

Роман Шабанов

Продаются роли!
Театральный роман

роль № 2

роль № 3

роль № 4

роль № 5

Роман Шабанов
Продаются роли!

«Accent Graphics communications»

2012

Шабанов Р. В.

Продаются роли! / Р. В. Шабанов — «Accent Graphics communications», 2012

Театральный роман. Спектакль прошел и стал сенсацией. Актеры играли на сцене Большого, Кремля и в Зеленом театре...

© Шабанов Р. В., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Сцена 1	5
Сцена 2	19
Сцена 3	29
Сцена 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Шабанов

Продаются роли!

Театральный роман

Сцена 1

Под мостом

- Проваливай!
- Но куда же я пойду, на ночь глядя?
- А ты иди на ощупь. Наверняка найдешь мягкое и пригодное для жизни.
- Что я смогу найти в районе, где узкие улочки и мост, под которым трется всякая шваль?
- Поверь мне, здесь ты можешь найти намного больше, чем думаешь? Это место пропитано особой энергетикой. Когда строили мост, рабочие пели песни и прославляли своего вождя. Здесь знакомились, женились, рожали детей. Мост...
- Достаточно, благодетели.
- Нет, ты послушай. Если бы не было этого сооружения, то мы наверное бы не знали, что делается на том берегу и ограничивались бы местными интересами. А сейчас у всех появился выбор...
- А я говорю, достаточно. Усвоил. Ну, я пойду?
- Вали.

Ветер сиротливо бродил по уродливым изгибам гранитного жителя, который, водрузив свои ноги по щиколотку в толщу воды, не реагировал на температуру жидкости, доходящей до 10 градусов, как рыбак, стоящий с самого утра в мелкой прибрежной заводи, надеясь на случайно проплывающего карпа или судака. Казалось, что сейчас, он поднимет одну гранитную ножку, от холода или от долгой неподвижности и будет стоять как цапля на одной ноге. Но он не позволял себе такой вольности, правда давал текучим пластам проносится, находится в застое, вызывать водовороты, не призывая их к каким-то правилам, нарушающий их жизненный уклад.

Здесь была другая погода. Совсем не такая, как в центре города, куда под сенью тернистых аллей в кофейню захаживал мужчина в лощенном костюме и розовыми щеками, чтобы развлечь свою даму парой пошлых анекдотов и сырниками со сгущенным молоком. Здесь иначе светило солнце. Оно смотрелось одиноко на полотне бледного неба, как капля мясного соуса, случайно попавшего на белоснежную скатерть. Соус размыл выделенный круг и растянулся по плоскости, немного уйдя вправо и влево, превратившись в силуэт рожицы с ушками. Голубизна неба не была настолько насыщена, когда тем же днем, кораблики, большие и маленькие, гудящие и проносящиеся, едва заметно, как призраки бороздили речушку, бесконечно разрезая волны, восстанавливающие свои разрезы в мгновения ока.

Желтая накипь листьев на березняке шептала о скором наступлении осени, ее самой теплой поры. Хмельные изгибы окружающих мост берез напоминал народный танец, когда партнеры, держась за руки, стремились к центру, согнувшись в три погибели, чтобы там, подняв руки вверх, приблизиться друг к другу, как при поцелуе. Деревья склонили свои приветливые изгибы ствола к стоящим влюбленным, говорящим на непонятном языке, прохожим, которые хоть и не чувствуют прикосновения, но ощущают легкое покалывание в области затылка, как знак того, что они одарили его, пусть таким скромным, но все равно вниманием.

Накрапывал мелкий дождь, уже останавливающийся, но начинавший моросить снова, как пожилой страдающий склерозом садовник, забывший полить пару яблонь и виноградник.

Они в содружестве с ветром, как два хулигана, наносили всем неукрывшимся в этот час тумачи в виде холодных выпадов и въедливых капель, которые, как острые стрелы, пронзали одежду, доходя до кожи в виде неосязаемой прохлады.

– Холодный и бездушный, – вторил голос.

Молодой человек, двадцати шести лет от роду, сидел на коричневых камнях, и курил. Он выдыхал белый дым как воздух, скопившийся в нем, и проводил эту лечебную процедуру, не думая, не погружаясь в мысли, которых у него не было и быть не могло. Камни были мелкие, крупные, средние – он поднимал то один, рассматривая его форму, и думал, как эта форма напоминает лицо его отца, который под Тулой сажает миниатюрные кабачки, то другой – а вот этот так похож на его мать, которая вяжет крючком, как он помнил, всегда. На нем был ее вязаный свитер с серым мышонком, надувающим шар и поэтому стремящимся взлететь, но его тяжелый зад не давал этого сделать. Молодой человек бросил второй камень, одновременно затушив сигарету, подкинув ее крученным способом так, что она упала на прибрежную полосу, где вечная влага приняла ее с легким шипением, вскинув над собой длинную прядь, исчезающую в воздухе. Парень стал искать третий камень. Подул шквальный ветер, отчего молодой человек поежился, и дернул головой, будто раздражаясь чем-то.

Звали его просто Иван, по фамилии он значился Давыдов. Нет еще тридцати, одет в голубые джинсы клеш, сиреневую рубашку, ботинки Марко Поло. На голове, помимо оранжевого берета, зияла пустота и так как волосы, по его мнению, способны влиять на ход мыслей, в зависимости от прически и укладки, он предпочитал их не носить вовсе, чтобы избежать суеты и беспорядочности.

Иван любил такие места. Берега, более каменистые, устойчивые, водоемы не беспокоящие, но запруженные, здесь рыба не вскармливалась для того, чтобы быть пойманной, а имела возможность в честной схватке двух организмов победить, остаться в живых или же нет. Но сегодня парень провел бы эти часы скорее в четырех стенах, читая ласковые трели Набокова, а, не глотая эти назойливые воздушные потоки, которые неслись с севера, доставив сюда только первую, пусть ее и более теплую часть.

Вчера у Ивана Давыдова была крыша над головой – комната с неровными стенами, небогатым убранством в виде скрипучей раскладушки и матраса, а также габаритного шкафа с большим количеством зазубрин, царапин, словно об него точили нож. Неряшливость стен Иван прикрыл театральными афишами, а шкаф не трогал, так как тот скрывал что-то особенное, что могло быть заперто на ключ, и обмотано клейкой лентой. Из комнаты, которую он снимал, выгнали за неуплату, как основание, и была еще одна веская причина, которая для него она была пустяковой, но хозяйка придерживалась другого мнения.

Хозяйкой была суровая крупногабаритная женщина. Марианна Леонтьевна. Ей было пятьдесят пять лет, она читала по ночам Булгакова на английском, французском вслух, произнося четко текст, особенно в диалогах. Она не признавала ничего русского, но была вынуждена жить здесь, так как была отправлена в Москву ее покойным мужем из Берлина в каком-то заплесневелом году во время оккупации. Он умер там, а она вынуждена жить здесь, и зарабатывать на жильцах. Жильцы говаривали, а именно Лексей из комнаты, что подле ванной, – бластное место, доставшееся ему еще при Сталине, что муж хозяйки до сих пор жив, балагурит с немкой, пока «Леонтьевна здесь квасится в капустном соке». Была бы ее воля, она бы турнула правдоруба на улицу, но у соседа были веские аргументы – он успел выхлопотать себе эту комнату, как излишек, который государство обязало подарить рабочим слоям. Достался низкому (Лексей был невысокого роста), рабочему (раз в год он чинил театральное колесо, которое имело свойство ломаться в премьерные дни) человеку (кто может поспорить, хоть и в некоторые дни его сгорбленная фигура и походка выдавали в нем что-то сродни медведю и орангутану). У Вани с Лексеем были чисто деловые отношения. Ваня слушал его мнение по поводу разных диссидентов, эсеров, меньшевиков, бундовцев и анархистов, сидящих, сидев-

ших, про которых сосед говорил с таким братским чувством, как будто у него две трети семьи провели на Соловках.

Он, может быть, и жил еще неопределенное время, если бы не его высказывание о загранице, как о месте, где все находится за гранью понимания. Он так и сказал как-то одним тихим коммунальным вечерком:

– Все стремятся туда, где, как им кажется трава сочнее и йогурты слаще. Это заблуждение. Они стремятся создать мир за гранью. То есть вроде бы все хорошо – народ чувствует себя комфортно, бреется бритвой с тремя лезвиями, так нет – надо изобрести пять, а то и больше, чтобы, по их мнению, улучшить жизнь. Дома в пять этажей не в моде. Девять – вот цифра, которая будет звучать в этом сезоне.

В тот миг Иван стоял на кухне и пил кофе из пластикового стаканчика, перекладывая его из одной руки в другую, чтобы не обжечься.

– Для них мы тоже живем за гранью. Но главное, мы не пытаемся прыгать так высоко, как они. Мы прыгаем высоко, но по природным законам. А они, космонавты.

Назвав «их» космонавтами, он понял, что сболтнул лишнее.

– Вы так думаете, молодой человек? – резюмировала Марианна Леонтьевна. – Надо же. Я и не предполагала.

Марианна Леонтьевна тяжело вздохнула, посмотрела на Ивана с чувством ненависти, какое возникает, когда тебе вставляют палки в колеса.

Это выступление не пошло ему на пользу. Оно смутило пожилую женщину. Хозяйка стала сопротивляться, припомнила ему два месяца неуплаты, и к часу ночи собранный чемодан стоял на лестничной площадке, в то время как она, уже названивала другому потенциальному жильцу, который, по ее мнению, ждал этой комнаты давным-давно.

Два месяца он не мог устроиться на работу. Прошел год, как его спектакль зародился в маленьком провинциальном театре, в котором ему предлагали остаться, пророча хороший оклад и невесту. Но разве он мог оставаться там? Его душила эта обстановка. Город, пропахший кислым тестом, с одной спокойной рекой, по которой редко проходили суда, и центральной площадью около здания администрации. Он представлял себе, как через несколько десятков лет, он будет идти по городу, здороваясь со всяким встречным, разговаривая о ценах на единственном рынке.

– Говорят, вобла подорожала.

– Вобла, подорожала?

– Да, подорожала.

– Ничего себе?! Как же так, что вобла подорожала?

– Я не знаю, отчего вобла подорожала.

И так далее. Нет, он не был рожден для того, чтобы прозябать в провинции. Так он решил. Поэтому приехал сюда из далекого южного города, чтобы вращаться корнями. Земля пока отвергала инородное растение, привыкшее к теплоте климату и отсутствию конкуренции.

В первые дни он пробежал сотни театров – больших и маленьких, всюду предлагал себя. В качестве режиссера, – маловероятно, ассистента, – тоже, помощника режиссера, – уже реально, а также завпоста, осветителя, монтировщика, электрика. Ему хотелось работать в театре, и не так было важно, с какой ступеньки начать. Тогда он не брезговал ничем.

Маленький театр пригласил его на должность завпоста. Проработав три недели, Иван понял, что не понимает, чем занимается, так как среди выполненных дел прослеживались чаще всего бесцельное шатание по театру, общение с персоналом обо всем кроме работы, и распивание чая, кофе, а то и чего покрепче с молодыми художницами. Другой бы на его месте спокойно продолжал пить кофе, закусывая толстым куском ветчины, и не беспокоился. Но только не Давыдов. Он сорвался в маленький город с населением полсотни тысяч, чтобы создать в имеющемся там единственном театре детский спектакль о луковом мальчике Чиполлино. Им

были безмерно довольны, спектакль прошел на «ура», дети этого города теперь только и говорят о новом воплощении хорошо знакомого героя на сцене, что директор театра, помешанный на рыбках, предложил продлить сотрудничество с ним. Но разве Иван Давыдов, уроженец севастопольских окраин, мог остаться? Он уехал ранним зимним утром, строя по дороге планы о возвращении на родину. Родиной он считал Москву, по которой успел соскучиться, особенно по бархатным голосам дикторов 70-х, объявляющих станции в метро.

Иван вернулся, чтобы получать отказы, сопротивления, торопливое «нет» и захлопнувшие двери.

Всюду он слышал «не требуется», «звоните», «мы сами вас найдем» – все то, что заставляет человека уйти на четыре стороны, в каждой из которых зияла пустота размером со слона.

Пришлось подрабатывать. На стройке, рыбных складах, железнодорожных станциях, рынках. Но так как днем он не хотел заниматься чем-то непотребным, для этого была ночь. Ночь, которая скрывала своей плотной пеленой фигуру человека, сторбленного от тяжелой ноши, и лишь под утро ее снимала, обнажив всю наготу, но в этой наготе его уже не было, он спешил домой, засыпая в метро и в очередях в магазине.

В кармане было тридцать два рубля, остаток от гонорара за детский спектакль, который он хотел растянуть еще хотя бы на пару месяцев, а то и на два, пока не подвернется другое предложение, не менее выгодное. Правда, на этот раз он бы не уехал отсюда.

Последняя сигарета была выкурена. Можно было на оставшиеся деньги взять пачку, но Иван пока не знал, что сможет сделать с такой незначительной суммой. Он смотрел на солидное сооружение, которое своим изгибом подчеркивало свою сложность и основательность.

– Вот мост, – думал он, – большой, неприступный. Стоит здесь и все ему нипочем. Не нужно ему ни квартиры, ни денег, ни одеться. Стоит летом в воде, зимой скован льдом, и хорошо. Несет службу, не заботясь об отдыхе.

На горизонте земли показались четыре точки, они двигались, и увеличивались постепенно. Сперва Ивану показалось, что эти дети, спустившиеся к берегу в поисках цветных камней для обмена, через минуту он увидел пенсионеров и только когда он смог различить помимо фигур и цветовую гамму, тогда признал в них тех, который навсегда был лишен жилья, работы, семьи, часто еды и уважения. Тот, который шел впереди, как вождь, – выбирал место, говорил что-то без умолку, харкая на камни, как пес, помечающий место, был одет не по сезону в драповое серое пальто с каракулевым воротником, на котором светились темные разводы. Голова у него была обернута темной малиновой шалью, что придавало сходство с женским полом, если бы не борода в крошках, скрученная, как накладная, торчала под подбородком, придавая ему хоть какую-то солидность. На шее был кофейного цвета шарф, несколько раз обернутый вокруг шеи, но держащийся свободно, который стелился по земле и вбирал в себя прибрежную сырость. На ногах были сандалии, вполне приличные, если не новые. Вождь держал в одной руке палку, заменяющую орудие, в другой рюкзак, и был похож на ходока, идущего с самого Сахалина, чтобы узнать ответ на долго мучавший его вопрос. Другой, был маленький, толстый и согласно своей фигуре носил одежду свободную, не сковывающую движения. Это были шаровары, очень широкие в бедрах, как у народов Востока и ямайская рубашка, выцветшая на солнце, с желтыми пальмами и розовым морем. Он ходил босиком, сжимая ногу, соприкасаясь с поверхностью камней, только самой напряженной частью ступни. Толстый был очень нервным и все время кружил вокруг Вождя и, видя очередное место для привала, присаживался, проверяя, говорил скороговоркой «удобно-неудобно – есть лучше», двигался дальше, не отрывая от него взгляда.

Третий был одет в джинсовый комбинезон с широченными лямками и был похож на автослесаря с множеством карманов на своей униформе. На ногах светились кроссовки с отходившей наполовину подошвой. Он шел спокойно и едва слышно насвистывал мелодию из «Сере-

нады солнечной долины», на время погружая всех в легкое отстранение, не обязывающее ни к чему.

Четвертый был облачен в худую фуфайку, под которой были надеты спортивная синяя куртка и футболка красного цвета с желтой окантовкой. Костюмные брюки с едва приметной стрелкой и грязные, но солидные штиблеты, а также табличка «помогите бывшему банкиру» говорили о нем, как о человеке случайном здесь, но попавшем под колесо. Банкир молчаливо шел за всеми, отставая, но двигаясь неторопливо. В руках у него было две доски, подобранные или выдранные от цельной конструкции типа забора либо ящика.

Они остановились у одинокого куста, торчащего из-под камней, как случайное образование, возникшее в результате скопления нечистот, присели и заготовали, как будто место было заражено газом, от которого хочется бесконечно смеяться.

Мужчина в каракулевом пальто вытащил из кармана складной нож, обнажил лезвие, и направил его на «банкира». Тот вздрогнул, хоть и понимал, о чем, тот его просит. Он бросил на землю дрова, и вождь стал потрошить доску, плавными движениями скользя по деревянной глади бывшего забора, некогда оградой от воров и любопытствующих.

Они соорудили нехитрое костровище, положили несколько камней, напоминающих лик тигра и пантеры. Потом достали из мешка курицу и стали искать палку для того, чтобы соорудить гриль. Плотный мужчина вытащил из разреза камней длинный пруток, который был им или еще кем-то спрятан на такой случай, и предварительно раздробил курицу – жесткими суровыми движениями оторвал ей ногу, открутил крылья, раздробил ножом внутренности, разделив ее на восемь частей. Нанизывая подтекающее мясо, он стал облизывать пальцы, как животное, которое не может остаться равнодушным к сочащейся плоти.

Банкир и философ сидели в стороне и не участвовали в процессе приготовления. Первый нервно перебирал руками то ли от холода, то ли от нервов. Второй, смотрел вдаль, где пара чаек устроили налет на засыпающую, подкрашенную вечерним сумраком воду, и продолжал свистеть, не так громко, куда-то внутрь, доставляя в основном себе щедрое удовольствие.

Курица, подкрашенная вечерней дымкой и языком пламени, менялась под этим влиянием и принимала другой вид. Птица была похожа на пациента, который делал пересадку кожи, чтобы остаться неузнанным. Она темнела, и вся ее былая палитра светлых тонов утонула в жаре на каменистом берегу.

Приятный аромат щекотал ноздри, и Ваня понял, как он голоден. Он был готов съесть этих быков, на которых стоял мост, и сам это мост, если бы он был хоть чуточку помягче. В организме со вчерашнего вечера покоился луковый суп и московская плюшка, а сегодняшним утром только пустой чай, правда, две чашки плеснулись в организм, исчезнув где-то на самом дне.

Он посмотрел вдаль. На горизонте покоилось серое дымчатое облако, которое поглощало в себя день и время, как мусор всасывалось в это образование, утекая в него тонкими струйками. Небо утратило свой дневной окрас, и вбирало в себя новую палитру цвета. От желтого к красному, от синего к зеленому – все они отколупливались из реальных предметов, как-то: голубовато-зеленый цвет гранита от широкоплечего великана, серо-коричневые камни от побережья, солнечный блеск от искрящихся грузовиков и отливающих золотом фешенебельных автомобилей.

– Где-то там на земле мать накрывает на стол, а братья, трое плюс сестра, все младшие, сидят за столом и ожидаючи главу семейства ни к чему не притрагиваются. Приходит отец, мама подает на стол чугунный горшок, в котором картошечка вперемешку с капустой, морковью и, конечно, крупными кусочками мяса. До головокружения. Мама открывает крышку, в нос ударяет приятный аромат специй. Отец встает и, держа в руках, рюмку с малинового цвета жидкостью, произносит «молодой человек»...

Иван стал понимать, что этот голос ворвался в его сантименты, в которых было так легко утонуть, и что не смотря на то, что давно уже оторвался от дома, все еще никак не может привыкнуть к долговременным разлукам.

– Молодой человек, – крикнул Вождь.

Вечерний воздух был наполнен. Он был густым, в несколько слоев, состоящий из грохота проезжающих автомобилей, вечерней баржи, возвращающейся домой после последнего рейса, неспящих чаек, колыхающихся от ветра щитов с рекламой кондиционеров.

По мосту шел человек. Было видно, как он остановился и, глядя вниз, замер, задумавшись о чем-то.

– Человек... молодой, – повторил вождь, ломая створки задумчивости и образы, созданные ею.

– Да, – оторвался Иван, не сходя с места, так как расстояние вполне позволяло общаться и в то же время соблюсти личностную свободу.

Они засмеялись. Грубо, свободно, громко, без соблюдения правил и норм, широко развевая фонтанирующие слюной рты, выпячивая свои потемневшие зубы и выставляя язык как нечто чужеродное, добавляющее гнусной картинке большее «очарование» со знаком минус.

– Гляди-ка, услышал, – произнес вождь. – Не глухой.

Он медленно, с акробатической точностью, синхронно отвел руки, как будто натягивал створки капкана, с натугой, открыв рот от напряжения, и так же медленно сомкнул их, опустив раскрытыми ладонями, лежащими друг на друге, на правый бок, массируя по часовой стрелке.

– Дрянная печень, – произнес он. – Нельзя так смеяться.

Эстафета была передана другому объекту, в шароварах и ямайской рубашке, который все это время колдовал над птицей, поворачивая ее, вскрикивая о того, что ловкие язычки пламени норовили задеть его пальцы, покрытые густыми волосами, которые ой как любит огонь.

– А ну пойдی сюда, – сказал толстый.

– Зачем? – спросил парень, настороженно, обозревая окрестности, которые в последний час ограничивались у него берегом с камнями, похожими на лица, мутной водой и мостом, стоявшим полвека. и простоит столько же без сомнения.

– Подходи к нашему шалашу, – произнес вождь, – отведай птицу, она уже вряд ли когда сможет полетать. Долеталась.

Толстый захохотал, банкир нервно взглянул на Ивана, а философ продолжал свистеть, теперь окончательно уйдя всем звуковым диапазоном внутрь себя.

– Если конечно не брезгуешь, – процедил вождь, исподлобья смотря на Ивана.

Недолго думая, Иван встал, расправился от долгой неподвижности, выбравшись из своих колодезных, по глубине, мыслей и направился к миниатюрному костру, маленькой птичке и людям, которые в этой атмосфере П-образной стены, казались мелкими и ничтожными. Он был слишком голоден для того, чтобы быть принципиальным и отворачиваться от еды, кем бы и где бы, она не была приготовлена.

– Прошу, прошу, – гостеприимно предложил мужчина с кашемировым воротником. От него пахло селедкой, от чего Иван невольно отвернул голову.

Он присел на камень, почувствовал, как холод проникает сквозь толщу хлопка и бумаги, и легкий озноб окутал его, поверг в новое состояние, как бывает при резком подъеме, когда долго сидишь или лежишь.

Теперь он мог разглядеть их поближе. Но то, что он увидел, несильно отличалось от картинки на расстоянии, только все было в более крупных и сочных мазках – серое пальто в бурых подтеках исторгало жуткий эфирный запах, малиновая шаль прикрывала существенную рану – она проступала маленьким треугольником, напоминающим кончик носового платка, шаровары, сплошь испещренные дырочками, большими и маленькими, пятнами разных форматов, и рубашка, на которой был прожжен карман, и всего одна пуговица и та крупная, не к месту,

как на шубах, джинсовая ткань, поредевшая после нескольких сезонов и фуфайка женского фасона, с пуговицами слева.

– Чем занимаетесь, молодой человек? – спросил мужчина с малиновой шалью на голове и втянул носом то ли вечерний воздух, то ли жаренный запах, который стал достоянием общест-венности.

Иван не знал, как ответить на этот вполне адекватный вопрос, и решил нацепить на себя образ современного ценителя искусств, прекрасного, который в поисках заблудшей музыки набрел на этот берег.

– Ищу, – произнес он. – Ищу потерянный образ.

– А где потерял? – с интересом спросил мужчина с шалью.

– Не помню, – сказал Иван. Он не ожидал, что последует встречный вопрос, поэтому растерялся.

– Здесь его точно нет, – предположил толстый. – Холодно здесь, тоскливо. Да и опасно нынче по вечерам. Да, еще наверняка, женского полу он? Так?

– Ну да, – согласился Иван. Он не знал, что это за образ, который он ищет, только пред-ставил на мгновение белолицую, розовощекую, кровь с молоком, такую, ради которой хочется табун лошадей увести и кричать на весь мир, что любишь.

– Вот, – обрадовался мужчина в шароварах. – Девушка в этих местах ходить не будет.

Образ испарился в розовом небесном каньоне, и потянул за собой предполагаемо другие образы, которые как завершение танца уходили друг за другом, исчезая за кулисами.

– Дурак, – надменно сказал вождь. – Это он образно. Понял?

– Образно ищет образ, – задумчиво проговорил толстый, почесал затылок, и пожал пле-чами. – Нет, не понял.

– Трудно сейчас молодым, – произнес вождь. – Не хотят их. Они же, как головастики. Неопытные, несформировавшиеся, еще не знамо кто.

Приходится им отсиживаться в темных проулках, под мостами в ожидании. Только не подплывет к берегу...фрегат-брат, где на...клавесине-древесине играет белокурая мамзель, приглашая его на прогулку.

Эти редкие слова – фрегат, клавесин, мамзель живо укрепили в сознании Ивана мысль, что этот мужчина не так прост, как кажется на первый взгляд. Глаза вождя горели живым плотоядным огнем, и вечерняя мгла все больше разжигала в нем те поленья, которые тлели всегда, но увидеть их можно было только при хорошем освещении, точнее при плохом.

– То есть вы хотите сказать, что время поделено между всеми, – догадался парень. – Оно – как умный режиссер, раздающий роли. Этому мастодонту – главную, тому – среднюю, этой с хорошими окру...возмож...перспективами – одну из главных, той – отказать, за отсутствием наград и лестных слов в адрес корифеев сцены. Вы играете сильно, сильно, но слабовато. Я же не могу при этих вот, Добромыхских, Царевых говорить, что вы талантливы. Но по правде сказать эти Добромыхские...нет, я не могу вам ничего обещать. Ждите и на вашей улице будет греметь оркестр, восхваляя вас, а не ваших соседей.

Иван говорил горячо, с негодованием, как будто его пронзило штыком, и эта речь была последней в его жизни. Он размахивал руками, оголял десна, показывая свои крепкие молодые зубы, готовые вцепиться в глотку и не отпускать. Он разошелся, чувствуя, что его слушают и не перебивают, что в последнее время было все труднее сделать.

– Каков сукин сын, – произнес толстяк, а философ с вниманием посмотрел на него снизу вверх, изучая весь его профиль, не упуская ни единой детали.

– Но если я сам режиссер, – он, – можно как-нибудь с ним договориться. Ведь, по сути, мы делаем одно дело. Оно управляет людьми, а я их пороками, трансформируя их в форму искусства. Так?

– Так, – произнес толстяк, состроив кислую мину, что молодой прыснул. – Закушенная верхняя губа, постоянно соскальзывающая, но не оставленная в покое, так как ловкий ряд зубов подцеплял ее снова, повторяя монотонные движения нижней челюстью.

– Я не много прошу, – произнес Иван. – Только то, что мне принадлежит. А мне принадлежит одна площадка, одна труппа актеров и возможность управлять ею.

Возникла пауза. День ушел по-английски, прикрыв желтое пятнышко темной тканью, которое превратило округу в темный кабинет с серыми декорациями моста и городских огней в виде неровных пунктиров.

– И мое время еще не наступило? – в завершение своего монолога произнес Иван. – Я должен ждать. Сколько? Год, два, пять? И что я должен делать в эти годы? Трястись, дрожать. От холода, голода, жажды. От нехватки искусства, денег, мяса. От потери самого себя, которое нужно искать, чтобы не потерять уже накопленное. Это сумасшествие какое-то.

– А когда наше наступит? – произнес толстый. – Мне уже за сорок, а ничего не изменилось. Всегда хотел дом. Вот, думаю, построю дом, около реки, и заживу, как человек. Буду рыбачить, охотится, огород разводить. Но разве возможно? Сейчас нет свободной земли, как оказалось. Каждый кусочек, перешеек, маленький стоит и, чтобы оформить, нужны деньги. Хоть на необитаемый остров отправляйся, хотя не факт, что там земля не продана для туристического бизнеса.

– В другой жизни, – прокомментировал вождь. – Даже нет, через одну. В следующей тебе еще головастиком ходить.

– Да ну тебя, – махнул рукой толстяк.

Иван в какой-то мере успокоился. Он смог выговориться, но если ранее, вся эта желчь покоилась на дне, то сейчас она поднялась к самому горлышку, мешая дышать и говорить.

– Выпей, – произнес вождь, доставая из рюкзака бутылку.

Толстый серьезно посмотрел на вождя, а младой отвернул голову и только философ пронзил взглядом и затянул мелодию неизвестного происхождения.

– Что это? – спросил Иван.

Вино, – сказал вождь. – Обыкновенное виноградное вино.

Он разлил вино по пластиковым стаканчикам, которые предусмотрительно оказались в рюкзаке.

Иван взял стаканчик, поднес его к носу. Аромат «Изабеллы» ударил в нос наравне с забродившим букетом и раскрепостил неустойчивое желание.

– Выпьем за этот мост, который служит не только связующим звеном между берегами, но и людьми, – продекламировал вождь.

– Отличный тост, – согласился толстяк, поднял правую руку и затряс ею, как колуном над поленом, прицеливаясь к точке скола. – Пряма за душу взяло. Вот здесь. Взяло чертовски сильно.

– Да, – сказал молодой невнятно, но тоже со своей долей темперамента, который включала его шуплая фигура.

Философ что-то пробубнил. Он не открывал рот, когда говорил, и поэтому информация из его уст становилась зашифрованной, примешанной к шипящим звукам, причмокиваний и громких вздохов.

– Что? – спросил Иван. – Вы что-то сказали?

Вождь засмеялся, возродив смех до колик из легкой усмешки, затащив в этот процесс возрождения толстяка и даже младого банкира.

– Не обращай внимания, – сквозь смех прокричал толстяк. – Он же философ. А философов никто никогда не понимал.

В доказательство он пробубнил его одну, по серьезному выражению лица было понятно, что классическую, фразу и замолчал с не менее умным видом, ожидая своего следующего комментария.

– Да, вы вместе, – немного захмелев, произнес Иван. Вино приятно обожгло внутренности и заиграло в глазах, уголках губ и пальцах на ногах. – А я один. Когда четверо как один – сила. Но чтобы одному за четверых – это непросто.

– Да, ты прав, – вступил вождь, – например, нас четверо. Мы все время ходим вместе. Совершенно разные. Совершенно. Ты только посмотри. Этот молчит, тот гундосит себе под нос, этот как верная...не буду, а я генерал. Но мы вместе, не разлучаемся. А почему? Вопрос интересный? Интересный.

Он наклонился к Ивану, и селедка с эфирными маслами пустилась в пляс, затормаживая рефлексy.

– Ты мне только ответь, – настойчиво вторил вождь. – Четверо, разные, как...как вон корабли на воде. Есть лодки с веслами – самому надо грести, а есть такие, что повернул ключ и давай по волнам. Так что интересный?

– Интересный, – согласился Иван и почувствовал, как его голова, пройдя щекотливую волну расслабления, несется вниз, минуя все преграды, а также словесные пересуды, от которых тряслись руки.

– Так это как дважды два, – аргументировал вождь. – У нас как в хорошей семье. Нет, только не смейтесь, молодой человек. Женщин нет, не беда. Будут. Я о другом. Я руковожу, вот этот юркий, заводной – мой заместитель, старик – генератор идей, а младой – исполнитель. Когда-нибудь младой будет генератором, замом или руководителем, а может быть и нет. Все от него зависит. А ты образ ищешь. Надо что-то реальное искать. Например, вот он был банкиром, жил на приличные деньги, а жизни не знал, пока нас не повстречал. Получается, он всю жизнь искал нас. Он и в школу ходил, в институт, на курсы, в банке штаны протирал только для того, чтобы нас встретить. Вот.

Курица на вертеле подходила к завершающей стадии приготовления, точнее один ее бок обуглился, а второй был сыроват от недосмотра.

– А, птица горит, – закричал шеф-повар и стал бегать вокруг костра, словно совершал ритуал по умершей птице, но на самом деле искал то, чем можно было взять горячий шампур.

– Чтоб тебя, – досадливо произнес вождь, философ также недоволен пробубнил, а младой молчал, наверняка вспоминая сытные обеды в банковской столовой.

Толстый снял шампур с огня и, держа его выступающей складкой шаровар, надкусил самый большой кусок с выступающей корочкой.

– Куда, – крикнул вождь и пытался схватить его за что-нибудь – Вот сволочь.

– Так повар должен знать, готово ли блюдо, – аргументировал толстый. – Иначе вам достанется один уголь...

– Ты свои способности уже показал, – произнес вождь и принял из его рук шашлык, который по качеству можно было отнести к браку и раздавать на улицах затак.

Курица была рассортирована по пластиковым тарелкам, которые тоже, как в фокусе, оказались в рюкзаке.

– Держи, – протянул ему вождь здоровый кусок, и Иван принял из его рук это блюдо, не заметив, что команда с вниманием смотрит на молодого человека, принимающего добротный кусок, как должное.

Небо перешло в новую стадию, когда ночной конференсье объявил выход для силуэтов. Одни шли как на параде, под ручку, не спеша, казалось, не шли, а плыли, как будто их нес челн, другие сидели на скамейке, третьи торопились домой, размашисто рассекая воздух.

Четыре силуэта окружили очаг, и было в этом что-то библейское, когда пастухи разожгли костер и негромко беседовали о чем-то своем, поедая на костре нехитрую рыблю похлебку, а в тот момент родился спаситель.

– Немного сухая, – произнес вождь, отрывая один слой волокон за другим и проглатывая, не успевая разжевать.

– Нормально, очень даже сочная, – воспротивился толстый.

– Да нормально, – спокойно сказал младой, которому достались крылышки, которые он обсасывал с таким усердием, что даже было интересно наблюдать за ним. Некоторые косточки он разгрызал, вокруг самых крупных проделывал массу лазеек к костной ткани, которая хранила в себе таившийся сок, полезный для здоровья. Старик в джинсовой робе ничего не сказал, а только увереннее засунул в себя ножку, посасывая ее как леденец на палочке.

– Тут дело в курице, – разъяснил толстяк. – Если она воспитывается в твоём хозяйстве и ты ей и первое, и второе, и ласковым словом, да еще и жилье со всеми удобствами, тогда она сама ляжет под нож, указывая клювом, куда надо бить. Если же ты за ней бегаешь с тесаком размером с топор с криком «убью, сука!», тогда курица так внутри себя обделается, что готовь ты ее или нет, все равно получится несъедобной. Другое дело, – никуда не убегает, а во сне ее накрываешь, или приласкал сперва, а потом раз, и сразу же два, три, два, три.

Философ пробубнил что-то очень длинное, и толстяк, подтвердив это, разлил оставшееся вино по стаканам.

В голове Ивана творилось что-то непонятное. Набегали тучи с желтыми стрелами как на схемах, мельтешили солнечные зайчики, скрывающиеся от ночного повелителя, загоняющий хвостатых хулиганов в небесный сарай. Он выпил всего лишь второй стакан, а состояние было такое, как после выпитой бутылки, а то и двух.

– Ну что, поел? – услышал он. Оказывается, его голова неожиданно повалилась на плечо, и она давила своей тяжестью, сжимая все тело и приближая эти две сопряженные части тела к земле.

– Да, спасибо, – сказал Иван. Он вытянулся в первоначальное состояние, вытер образовавшуюся испарину со лба и посмотрел на окружающих его людей, среди которых появился еще один, которого он не помнил.

Джинсы, спортивная куртка серого цвета и сапоги болотного формата выдавали его за рыбака, зашедшего на огонек поделить своим уловом, но отсутствие всех необходимых атрибутов от удочки до наживки и рыжая борода выдавали в нем скорее разбойника с дороги, но никак не любителя природы, ее щедрых даров, готового часами сидеть на зорьке, наблюдая за капризным поплавком в неизвестном ожидании. Он смотрел прямо, не отворачивая взгляд, а пронзая все тело, затем выворачивая сверло, чтобы вновь проделать еще одно отверстие.

– Стало немного лучше или нет? – пронеслось в голове. Сытость не наступила, но с ней, наравне с растравленным чувством, появилась цыганская расхлябанность и непослушание. – Кто это? – мелькнуло в голове. – Когда он пришел?

– Ну, спасибо не намажешь, – протянул вождь, бросая образовавшиеся кости в костер, которых съедало разгоревшееся пламя.

– Правильно, – произнес рыжий, и Иван почувствовал от него ту угрозу, которая возникает в пересечении взглядов, в неуютном дыхании, в его развалочной позе, с широко поставленными ногами и, наконец, в его руках, сжимающие друг дружку, как в борьбе – одна подминала под себя другую, но поверженная вырывалась и нападала на противника, повергая его в не менее трудное положение, скрепляя болевым захватом, но через мгновение была снова захвачена обиженной стороной.

Иван рассмеялся. Толстяк ухмыльнулся, философ пробурчал что-то сердитым тоном, но мало кто обратил на него внимания. Младой вытащил сигарету, вождь кивнул, и толстяк

вырвал ее у банкира, смачно улыбнувшись, как в красиво сделанной пантомиме, и протянул ее мужчине с малиновой шалью на голове.

– Смеешься? – спросил вождь, пряча сигарету за правое ухо, видя, что парень нашел ситуацию смешной.

– А что? – улыбаясь, спросил Иван.

Он смотрел на те угольки, что остались от еды, и подумал, сколько бы мог стоять тот маленький кусочек, который он ел примерно минуту. Десять, двадцать, максимум сто рублей?

– Плати, – твердо сказал вождь, но произнес это таким спокойным тоном, словно каждый день устраивал пикники, чтобы кормить случайных гостей.

– Черт возьми, – прошумело в голове. – Так они, значит, меня специально... Увидели одиноко сидящего парня, попавшего под настроение, и давай его разводить. То-то вино мне не понравилось. Бурду какую-то намешали. Только что там? Снотворное или отравка какая? И не узнаешь, пока не откинешься.

– Мани о азе финг, – сказал вождь.

– Деньги либо по-другому, – произнес рыжий.

– Вы шутите? – спросил Иван, еще не до конца доверяя в своему инстинкту, в частности самосохранения.

– Нет, – твердо сказал рыжий, потирая бороду, на которой было несколько белых полосок неизвестного содержания.

Подул ветер и принес капли то ли с реки, то ли с того облака, которое засосало день. Небо обуглилось и стало попеременно вкручивать ночные лампочки, ругаясь и кляня тучи, которые мешали многим светочам исполнять свой долг. В воде всколыхнулась рыба, которая, дождавшись полной темноты, решила искупаться в чарующем вечернем воздухе, не беспокоясь за свои плавники.

– За кусочек? – произнес Иван.

– За тепло, – сказал вождь. – За уют, за разговор, в котором ты поучаствовал. Что у тебя есть?

– Ничего у меня нет, – ответил Иван.

– Как это ничего? – сердито сказал рыжий и посмотрел сперва на толстяка, переводя взгляд на философа с младым, и только потом, приплюснув к воображаемой стене, вождя.

– Нехорошо обманывать старших, – торопливо сказал толстый, угождая новоявленному – С тебя одежда.

– А с нас бесплатная ночевка, – проговорил вождь. Просвистел удар, и что-то тяжелое с дребезжанием обожгло щеку и заволокло и без того нечеткий кисельный взгляд в мутное облако, погружая в него все оставшиеся там образы – кашемировый воротник мужика с грязной черной бородой, желтые пальмы, пляшущие и не уместающиеся в тот провал, куда уносило Ивана, картонную табличку с карандашной надписью, бормочущие губы, за которыми скрывалось таинство сказанных слов, и страшные глаза, толкающие Ивана на самую глубину, где можно утонуть сразу, не мучаясь.

Хотя сопротивление возникло, оно было в виде бурлящей пены, грохочущее неустанно, продирающее глотку и уши, как в настоящей схватке с силами зла, одна из которых не знала, что оно – зло, но таковым являлась определенно.

Часы на городской площади били шесть утра. Где-то запричитало радио. Гудящие клаксоны напоминали юным водителям о том, на какой цвет светофора нужно ехать. Иван очнулся. Он поднялся с каменной насыпи, собрал свое разбитое тело, присел на камень и несколько минут смотрел на то место, восстанавливая в голове вчерашний вечер.

Он сидел неподвижно, пока в голове в той маленькой камерке, не включился свет, оголяя пространство фактами, подтверждающими вчерашнее происшествие. И сразу стало легче,

как будто противоположная сторона обещало за все ответить, не говоря о простом извинении, извиняясь и кляня себя за дерзкую выходку.

Болела щека и затылочная кость. Иван прикоснулся к голове и ощутил, как палец проваливается в небольшую ямку и смачивается какой-то липкой жидкостью. Он резко посмотрел и увидел, что тот был в крови.

– Меня ударили, – припомнил он. Интересно, как я сейчас выгляжу.

Он подбежал к воде и сквозь рябь беспокойных волн узрел свое лицо, которое трещало вместе с головой. Увидев только свой бюст и нервные перемещения в воде, как рыба попавшая в сеть, Иван не успокоился, но в то же время сел, планируя сделать еще что-то серьезное, о котором пока не догадывался.

Он смотрел на круглый поднимающийся диск, у которого шея продолжала вытягиваться, как у любопытного отпрыска. Диск замер, Иван тоже. Диск продолжил свое растяжение, Иван резко схватился за карманы и понял, что на нем не брюк. Он увидел в песке обглоданные кости подгоревшей курицы и стал перебирать содержимое. Среди косточек он обнаружил знакомые вещи. Что ж их количество значительно поубавилось. Деньги исчезли, точнее из тридцати двух рублей оставался только билет на метро на одну поездку.

– Огрызок карандаша, – проговаривал он, перебирая содержимое, одушевляя каждый найденный предмет. – Обертка от шоколадного печенья, пригласительный в театр на «Сон в летнюю ночь», моток ниток, накрученный на спрессованный спичечный коробок и девять тыквенных семечек.

Последнее сопровождало его с самой весны, предпоследнее появилось два дня назад, третье с конца лежало месяц, а первое, что с начала стачивалось пятый год, наполняя голову всякого рода заметками в духе «ее глаза катились по прибрежной насыпи, пока не попали в лузу его обаяния» или «небо прикрывало свой вздувшийся флюс». Сейчас всплывала новая фраза, подчеркивающая его состояние: « Человек был гол во всех отношениях – телом, душой и даже закрывая глаза, он не мог ощутить ресниц, прикрывающих его стыд».

Иван был без одежды. На нем оставались черные «смейки» в красную полоску, единственная защита от ветра и докучливых взглядов. Нужно было выбираться отсюда, пройти нагишом по городу, не привлекая внимания. Как это сделать? Он боялся милиции, пенсионеров, собак, инфекции, голубых и розовых в том числе, детей, больше их родителей, компаний подростков от четырнадцати и выше, учительниц, особенно биологии, медиков, в частности хирургов. Он не желал сталкиваться на улице даже со слепым старичком или таким же как он, нагим, решившим выгулять свое тело, оставив шкуры дома.

Молодой человек поднялся по лестнице, обратив внимание, что на ней было множество осколков. С виртуозностью танцора на цыпочках перешел это препятствие, все же наступив на одно злосчастное стекло, которое лежало практически на самом финише. Теперь нужно было пройти мост, длиной в четыреста метров, не обращая внимания на проезжающие автомобили. Он вылез, как суслик из норки, и решил закрыть глаза, чтобы не видеть ни автомобилей, ни себя, а только черный коридор, манящий своей темнотой.

– Какой самец, – первый голос. – Ему не холодно – детский. – Bravo, мужчина, – женский. – Да как он может, – последний звук, доносящийся с плоскости моста.

Мост был пройден. Впереди улицы, петляющие, удобные своей изворотливостью, способные укрыть, хотя бы частично. Он тянулся к ним, как к старой подруге, которая всегда примет, даже после долгого отсутствия, не припомнит ему время последнего прихода, от природы, безвозмездная и привыкшая отдавать, нежели принимать.

Он дошел до первого, слабо освещенного переулка, увидел черного кота с белыми пятнами, и подумал, что если хвостатый со светлыми фигурками на шкуре, то символика с перебежавшим дорогу котом не срабатывает. Кот замер, увидев Ивана, насторожился и, выгнувшись, так и пробежал до поворота в неудобной позе, наверняка думая, что этот устрашающий

вид вызовет страх. Иван заметил, как в одном из спящих дворов, где даже дворник еще не проснулся, на высоте второго этажа на широком балконе двухэтажного деревянного дома, редкого в этом городе, болтаются штаны, майка – комплект одежды, как будто приготовленный для него. Понимал, что залезть на балкон вряд ли удастся – вероятность зацепиться или встретиться нос к носу с обладателями этого костюма была примерно восемь из десяти. Поэтому стал рыскать по двору в поисках коряги, с помощью которой сможет подцепить висящие портки. Ему удалось найти черенок от швабры, и используя его размеры, пытался подцепить штанину, свисающая более чем другая, как в игре, но тот был слишком короток для такого достойного приза. После у него возникла идея залезть на детский грибок и оттуда попробовать то же самое. Иван уже продумал, как сможет забраться на него, но не знал, как будет при этом держать швабру, да и площадка на этом грибке вряд ли была устойчивой.

– А ты почему не одетый? – услышал он.

В окне показалось белокурое кудрявое чудо в сиреневой пижаме. Это был мальчик или девочка. Сразу нельзя было определить – или очень красивый мальчик, либо ангелоподобная девочка.

– Так я еще не успел, – выпалил он. Это единственное, что пришло в голову в настоящий момент. Он успел прикрыться, думая о том, какую разницу в ощущениях он будет испытывать, если узнает, кто перед ним – ребенок женского или мужского пола.

– Ты не успел? – удивился то ли мальчик, то ли девочка.

– Да, я не успел, – согласился Иван, не совсем понимая, что будет дальше.

– А что ты не успел? – прозвучало по-женски, с любопытством. Этот вопрос следовало ожидать, и первоначально парень не был к нему готов.

– Одеться, – сымпровизировал он, сделал небольшую, весьма незаметную паузу и продолжил с энтузиазмом: – Понимаешь, я только что приехал из страны, где мы, народ этой страны, ходим голыми. То есть ничего не одеваем сверху. У нас тепло и тело дышит. Я удивлен, что у вас принято ходить одетыми. У вас же так принято?

– Да, – согласился все же мальчик. – У нас так принято.

Он смотрел на этого человека, появившегося во дворе в столь раннее время, и он был рад, что стал свидетелем некоего таинства.

– Да, но я же не знал, – продолжал Иван с театральными выпадами. – Вот теперь хожу по городу и мне грустно. Понимаешь, грустно. Ведь можно же было сказать. Скажи, можно?

– Можно, – не менее резво воскликнул мальчик.

– В городе носят костюмы, – перечислял Иван, – халаты, вот... у тебя как называется?

– Пижамы, – сказал ребенок.

– Во-во, пижамы, – с досадой в голосе сказал парень, словно во всем виноваты именно те, кто придумал эти пижамы. – Никто ничего.

В завершение к своему монологу Иван сел в песочницу, повернулся спиной и в позе обиженного ребенка стал пересыпать песок из одной руки в другую, просачивая большую часть сквозь пальцы.

– И что же ты будешь делать? – заинтересовано спросил ребенок.

– Не знаю, – пожал плечами парень, не поворачивая головы. – Уеду.

– Мне тебя так жалко, – произнес ангелоподобный.

– Мне всего-то нужно одеть какие-нибудь штаны, рубашку и тапочки, – бубнил под нос Иван.

– И ты останешься? – с восторгом спросил мальчик.

Он понимал, что может быть полезным и эта ерундовая причина не может отправить человека из такого интересного мира обратно. А вдруг из нашего мира захотят поехать к ним, а они уже обиделись за наше негостеприимство. Конечно, помогать, а как иначе?

– И я тогда останусь, – повернулся Иван с надеждой в голосе.

– Подожди, я посмотрю в комнате родителей, – прошептал мальчик. – Там подберу для тебя что-нибудь такое, что носят у нас в городе.

– Не следует их будить, – бросил Иван.

– Не бойся, – серьезным тоном произнес мальчик и сделал успокоительный жест рукой. –

В это время они так крепко спят, что я могу...я могу...я могу.

Он так и не придумал, что он может, но это по его глазам было чем-то внушительным.

– А ты чего не спишь? – спросил Иван.

– А я в это время хожу, – замялся ребенок, ну ты понимаешь.

– Понимаю, – кивнул головой парень и невольно улыбнулся от детской непосредственности.

– Сперва это, – объяснил кудрявый мальчик, – и пять минут наблюдаю за восходящим солнцем. Правда, сегодня немного опоздал.

– Нет, ты пришел в самое время, – одобрил Иван.

Поток дежурных слов подошел к концу.

– Ну, я сейчас, – сказал мальчик и стал сползать с подоконника в комнату.

– Хорошо, – согнул чуть не половину корпуса Иван в знак благодарности юному, но такому гуманному ребенку.

Мальчик исчез в окне. В верхнем левом углу зажегся свет. Появился силуэт с большим выпирающим брюхом, который приблизился к холодильнику, на ходу почесывая одновременно перед и зад, открыл белоснежную дверцу и замер.

– Подойдет? – показался в окне мальчик и свесил брючину и рубашку, как торговец.

– В самый раз, – сказал Иван, не всматриваясь в товар. – А родители не будут ругаться?

– У них этой одежды завались, – произнес мальчик.

– Спасибо, – сказал Иван и заметил, как слившийся с холодильником образ оторвался вместе с выпирающей изо рта сосиской, похожей в утреннем сумраке на сигару.

– Пока, – сказал мальчик и зевнул. Он помахал рукой и исчез навсегда, оставив в раскрытом окне образ маленькой птицы, которая всегда появлялась, когда уходил добрый человек.

– Не все дети одинаковые, – резюмировал Иван. Он зашел в переулок и стал облачаться в добытый трофей. Штаны оказались малы, рубаха женской блузой, а тапочки на два размера больше.

– Ну что ж, и на этом спасибо, белокурый ангел со второго этажа, – ухмыльнулся он, глядя на себя в витрину обувного магазина, в котором даже манекены, казалось, смеются над утренним костюмом двадцатилетнего франта.

Сцена 2 В зоопарке

Детская постройка имела суровые графические линии – неровные каменистые стены, с двумя башнями, на одной из которой были готические шпили, на другой – часы с водрузившимся над ним минаретом. В утренней дымке возбужденного солнца, образование сливалось с прямоугольниками домов, пусть не выдавая в нем жилой дом, но и не намекая на принадлежность к месту, в котором уже долгое время прячутся животные от дикой природы и неограниченных возможностей. Постройка нервно принимала утренний слой краски, как утренний туалет светская дама, опаздывающая на светский раут. Вскинутая прическа, затем шляпка набекрень, макияж, как получится и много веснушек по контуру – все это проступало сквозь утреннюю мглу, которая, как ворчливая синьора, у которой одна болезнь на другой, уступала место молодой резвой, излишне взбалмошной, сеньорите по праву места. Та вынужденно становилась в окруженный джентльменами круг, и протянув руку самому, по ее мнению симпатичному, втягивала его в свою дневную бессмысленную игру. Долговязый партнер, принявший ее правила игры, имевший на голове нестандартную прическу – удивления, эпатажа, радости и глупости тонул в сборках ее платья, и также был не сильно рад тому, что выбор пал именно на него. Пока солнце настырно заливало улицы своим желтушным светом, дама и ее кавалер начинали свои первые движения в унисон образующимся пробкам и скрежетаниям шин, разворачивающих свои музыкальные инструменты, чтобы впустить новую волну – робкую, но обязательно новую. И только вход с нелепым зеленым пучком зелени в центре как невеста с пучком лука, находился в ожидании часа, когда со скрипом лязгнут двери, и заголосят голодные звери, дети и этот кошмар сольется в единую серенаду, готовая продолжаться бесконечно долго.

Иван подошел к воротам, утопая в зелени букета. Тень, должна накрыть его, выдала – отклонилась в сторону и осветила его профиль по всему контуру, выделив последовательно – короткие брючины, синюю блузку в желтый горошек, с воланчиками, подборками, цветочками и прочей шелухой. Иван перешел в сторону, сместился вправо, затем влево, вжался в холодную ограду, принимая форму одного из животных, сваренных когда-то в душной комнате навсегда.

Народ косился. Поворачивал голову, оценивал увиденное, тут же отворачивал, морщился, но продолжал идти, не сбавляя шаг.

Уже прошло трое рабочих. Они повернулись, почти одновременно, сделали оценивающий взгляд, отвернулись, переглянулись, пожав плечами попеременно, вероятно думая, что им привиделось, но в то же время не сбавили шаг. Дама в шляпе с широкими полями, предположила, что шляпа способна исказить. Она не останавливалась, лишь в какой-то момент запрокинутая нога, пожелавшая сделать следующий шаг по направлению движения, замерла, прошла труднопроходимое, вязкое образование и, ступив на асфальт, уже в следующем шаге не терпела препятствий.

Иван провел осторожно по чугунной ограде раскрытой пятерней. Металлический звук оглушил робкую тишину, и та замерла в надежде, что это больше не повторится. Не тут-то было. Теперь стиснутый кулак опустился на чугунные фигуры фламинго, заставляя дрожать крепкую оболочку и резонировать, переходя по ограде, его волнам, амплитуда колебаний которых, увеличившись, передавалась проснувшимся животным, так как те особенно чувствовали напряжение от людей, поместивших их в клетку.

Первыми проснулись волки. Они завывали, так жалобно, с таким надрывом, что, казалось, плачут, а не просыпаются. Их услышали белолицые свистящие утки, проснувшиеся разом, начавшие свой день с переключки, почувствовав легкую угрозу и успокоившись при пересчете

всех в наличии. К уткам присоединились лисы, медведь и слон. Они заговорили, и кавалькада звуков хлынула яростным потоком, как сорванная плотина, сперва издавая тревожные звуки разболтанных досок, бревен и железо-бетонных плит, а потом накрывшая сразу, не тонкой струйкой, поступая, как набираемая вода в ванной, а большой порцией или несколькими сразу.

Звери подняли бунт. Бунт против одного человека. Человека, переодетого в женскую особь, стоящего на пороге их дома и пытающегося достучаться то ли до старика, то ли до каждого в отдельности, своим стуком как бы спрашивая: «Есть ли у вас что-то человеческое?», как часто ищут животные черты среди людей. Клетки ожили, там ждали, пробуждения старика, который любил покемарить именно под утро, когда солнце протискивалось сквозь узкие щели ночных пирамид, и терялось в горизонте, катаясь по нему, меняя точку равновесия, находя ее в первых просветах.

Иван продолжал околачиваться около зоопарка, как человек, который всю жизнь хотел попасть сюда и он не может ждать открытия, так как трудно устоять – оно слишком близко, чтобы терпеть. Но он был избалован живыми образами, и его трудно было удивить кинкажу или красным волком, так как работал здесь. Ночью чистил клетки, подметал и под утро исчезал из мира животных в людской, из которого тоже приходилось исчезать ближе к ночи. Он пришел сюда, так как ему некуда было идти. Хотелось укрыться, одеть черный рабочий костюм и стать частью рабочего пространства, пусть уже в дневное время. Хотя бы на полдня, на час, на пятнадцать минут, на несколько мгновений, чтобы прийти в себя.

К несчастью, у Ивана не было ни одного человека, который реально мог помочь. Со всеми связывали профессиональные, но никак не личностные интересы. Сейчас он пожалел, что даже и не пытался понравиться, говорить на отвлеченные темы, только что касаясь темы и никакого отхождения в сторону. На восстановление документов уйдет уйма времени, да и дума о том, что придется, пусть на время, но покинуть Москву, его не очень-то и грела. Конечно, возникла робкая мысль уехать домой, где есть крепкие стены и крыша, а также многочисленные подпорки, если надо костыли, вспомогательные плечи, на которые можно положиться, а здесь без всего вышеперечисленного сам пытаешься устоять. Но та мысль как прошмыгнула робкой мышкой, так и, вильнув хвостиком, исчезла в одной из норок подсознания.

В то время улица продолжала наполняться людьми. То есть люди не заполняли ее, оставаясь в ней: они проходили, но плотность становилась больше – первоначально тонкий слой масла, затем добавлялся джем, через минуту слой колбасы и веточка зелени, потом прикладывался бекон, добрый слой сыра двух видов, еще один кусок белого хлеба, потом еще. Этот бутерброд ходил по улице, гармонично распределяясь между автомобильной плотностью, фонарями, разреженным воздухом после ночной прокачки и видоизменяясь по составу, исчезал в проемах дверей, углов, переулков, такси, успевая запомниться своим желтым зонтом, споткнувшимся силуэтом или нервозностью, с чем вероятнее столкнуться утром, нежели вечером.

Поездка в подземке была на редкость удачной. Иван преодолел несколько километров, не прячась по углам, как маньяк. Он вошел в две крупные слившиеся друг с другом горы, перепрыгнул через турникет, улыбнувшись свистевшей тете, делавшей это скорее машинально, чем внушая страх и совесть, и запрыгнул в остановившийся вагон, который через мгновение хлопнул челюстями, как щелкунчик, не успев раскусить попавшие внутрь орехи. Парень в странном сочетании мужского с женским и его гладкая непокрытая голова вызывали любопытные взгляды, но остывающие через мгновение, так как подобные инциденты были отнюдь не редкостью в столичном метро и воспринимались не живыми обсуждениями с полемикой и назидательными взглядами, а броским «э, нашел чем удивить» либо сочувственным взглядом старшего поколения, которое радо бы помочь, только совершенно не знает, как это сделать.

Рука продолжала стучать, и голос пытался обойти сонные каналы старика и войти в главную гавань победителем.

– А если не его смена?! – занервничал Иван. Дверь не открывалась, и все больше неприятных мыслей образовывали затор на пути к взволнованному парню, претерпевшему ночной шабаш. – Так, сегодня четверг, я в ночь, он с суток.

Послышался скрежет. В мутном окне показался знакомый профиль.

– Ну, слава Богу, – сказал Иван, и стал топтаться на месте, как человек, который только что вызвал лифт, и мысленно уже в нем и поднимается на свой этаж в предвкушении открыть дверь своих чертог.

Дверь распахнулась, и сторож, патлатый, наверняка после сна, показался в момент, когда желто-розовый блик проник на территорию зоопарка, но не как безбилетный пассажир, а скорее как человек, оказавшийся впервые в крупном городе, не зная, куда себя деть, в первые минуты.

Старик напоминал колхозного сторожа, охраняющего зерно и все народное добро. Бесчисленные морщины делали его лицо трафареточным, они паутиной распространились по всему лицу, не затронув только нос на кончике, но изрядно подрыхлив кожу в основании. Казалось, он сморщился, напряженно думая над вопросом из телевикторины или кроссворда. На подбородке выступала седая борода в виде якоря, и усы держались коромыслом, захватывая обвисшие щеки, как наполненные водой ведра. Зрачки с красными впадинами говорили о его буйном нраве, который поутих, но готовый вновь проступить, если будет на то веское основание. Но удивительно добрые, не смотря ни на что зрачки скрывали в нем деда в трех поколениях, мужа, справившего золотую свадьбу, специалиста по душам, как он себя называл.

Он был одет в белую рубашку из хлопка и черные брюки с лампасами. На голове – болотного цвета шляпа с узкими полями. Солидно и в то же время просто. Каким он был и сам – с большим багажом и принципами, но прежде всего человеком.

– Тебе чего? – произнес он, снимая шляпу, обнажив голову, обернутую платком (у деда болели уши).

– Так я же свой, – произнес Иван, подтягивая падающие штаны и пряча пышную бахрому на блузке.

– Шел бы ты, – неуверенно произнес старик, делая шаг назад, намереваясь то ли нажать экстренную кнопку, то ли пройти к оружию, с которым он был на посту. А это дубинка и шокер. Дед его не узнал. Поняв свое не до конца обоснованное обвинение – глаза могли подвести, – он показал указательный палец со знакомым трафаретом, и исчез в своем укрытии, проговаривая:

– А вот сейчас это проверим. Где же они?

Пока он что-то искал, три девочки с длинными волосами, как у природных фей, прошли мимо, остановившись то ли у входа в зоопарк, то ли около Ивана, живо обсуждая что-то на итальянском.

Вышел дед, водрузив на себя очки при выходе, тем самым показывая, что он искал именно их – прерогатива старых людей, объясняющих все свои поступки, анализируя каждый шаг.

– Ванька, ты, – узнал он.

Девушки громко засмеялись, всем корпусом показывая силу возникшей эмоции – наклоняясь то вперед то назад, то вправо, то влево, и поспешно толкая друг друга вперед, побежали дальше, сопровождаемые волнами смеха и внутренней энергетикой.

– Да, я, – согласился Иван. Он понимал, что сейчас выглядит очень глупо, как скоморох, как... понятно кто.

– Как тебя угораздило? – спросил дед, не слишком веря в членораздельный ответ. Он качал головой, у него дергалась губа, в этот момент, как показалось, с большей частотой, чем прежде.

– Вот угораздило, – ответил парень, прикрывая ладонями те форменные атрибуты на блузке, которые позволяют ее считать женской формой одежды.

– Да не прикрывай, – в сердцах крикнул дед. – Не надо.

Со стороны казалось, что парень танцует приватный танец, прикасаясь к груди, двигая руками и топчась на месте, как комик или пингвин. Пингвин имел жалкий вид, а для комика он был слишком скуден в эмоциях.

– Не буду, – перестал прятаться Иван, заставив себя не двигаться, хотя у него страшно зазудело плечо и область щеки, призывая парня не слушать старика, а как следует удовлетворить его.

– Э-эх, – выдохнул старик и было в этом «э-эх» что-то залихватское, вроде «вот когда я был молодым...».

Дед работал здесь с самой юности. Приехав в город из поселка Хомуты, он получил тут работу, сперва в качестве уборщика. Сменив порядка десятка профессий, не изменял этому месту и верно служил не первый десяток лет. И так неполных пятьдесят лет уже здесь тянул лямку, защищал животных, с которыми его многое роднило.

– У животных свой век, – говорил он. – Через меня прошло много вековых, совсем не вековых и тех, кто живет мало. Например, белый медведь живет до тридцати лет, а был у нас белый в небольшую крапинку мишка, этакий далматинец, так он жил сорок лет. А почему, спрашивается? Нравилось ему жить. Вот он и жил.

Это был один из последних разговоров, когда Иван, пройдя первый ночной рейд чистки клеток со спящими животными, сидел в небольшом флигеле у старика и пил лимонный чай из большой керамической чашки большими глотками, словно деда торопили фазаны и рябчики заняться их убранством.

И вот сейчас парень стоял перед входом, а дед, понимая, что здесь что-то не так, не решался сделать шаг, так как чувствовал подвох, пусть была и ответственность за паренька, который, по всей видимости, попал в переделку, и нуждается в помощи, но не пошатнет ли это явление его безукоризненную репутацию. Старик пока не знал, поэтому они стояли и мялись на одном месте, что та, что эта сторона.

– Могу я войти? – замаялся Иван и уже нетерпеливо толкал дверь, ожидая, что старик повернет громоздкую ручку, распахивая душу, то есть дверь.

– Да, наверное, – пожал плечами старик и завозился в замочных скважинах, совершая первое открытие за сегодняшний световой день. Так как солнце не мялось, он продолжало свой подъем, и согласно регламенту должно было отправиться в Париж, будить заспанных французов, потом в Лондон, Дакар, вспоминая по пути ночное пробуждение в Сингапуре и Китае, еще вечером пребывая на Камчатке. И сейчас оно торопится зажелтить все живое пространство, захватить в свои горячие щупальца всех дышащих и чувствующих, с бьющим сердцем и моргающими глазами, понимающих, способных оценить это тепло и принять его не как должное, а как подарок, первый в этом дне.

Скрипнула брезгливо дверь, и, не успев пропеть удручающий мотив, засов вернулся в прежнее отверстие, и два человека исчезли за зеленым букетом страдающей невесты, которая стала забывать о своем горе, так как наступал день, а днем все темные краски замазываются, оставляя естество для ночи.

Старик с Иваном прошли по шерботой насыпи, остановились около густого цветника, обменялись парой фраз, которые их развели в разные стороны – молодой человек пошел в сторону жалобного рева бегемота, гиканья и уханья обезьян и ржания зебры, которое, казалось, затеняло все вышеназванные звуки, доминируя над остальными.

Пройдя мимо Большого пруда, мимолетно бросив взгляд на островки, которые пучками расположились на этой шерботой глади, Иван подумал, что у человека обязательно должен быть островок, на котором он может перевести дух. Он понимал, что эти образования, выступающие из воды искусственны, на бетонных основаниях, и мы все живем в таких квартирах, неживых, мертвых материалах, которые были сперва убиты и потом превращены в состав,

облаченный в крышу над головой, создающий иллюзию защищенности. Утки совершали свой заплыв, демонстрируя первому посетителю свои способности, как фигуристы на льду. Серые гуси пытались взлететь – они делали взмах крыльями, но не взлетали, лишь громко ударяли по воде, создавая неразбериху в радиусе двух метров для того, чтобы привлечь внимание, привлечь посетителей. У каждого из этих, несколько похожих птиц был свой индивидуальный номер. Сухонос, пiskuлька, белолобый гусь и еще несколько разновидностей гусей – белошей, Магелланов, горный, казарка, лебедь-шипун, лебедь-кликун, лебедь-трубач – похожи. Крылья, перья, нос, плавают. И только поведение делало их непохожими друг на друга.

Иван бежал дальше. Он был похож на туриста, у которого осталось совсем немного времени до отъезда, а столько надо было успеть. Фламинго встретили его. Бледно-розовые огни вперемешку с алыми несли задор и веселье, энергию, от которой хотелось объединиться и тоже, как они, встать на одну ногу, как одна из форм индивидуальности этих птиц. Они кричали, скорее тархтели, как мощный генератор, который покраснел от натуги. Иван, переступая с ноги на ногу, оставил за собой огонь, жар, цвет и только легкое дребезжание добегало до него, но становилось все реже и реже.

Он не облачился в робу как хотел. Лысый парень просто шел от одной клетки к другой, веря, что этот ритуал способен помочь вернуть былое состояние, которое еще сутки назад пребывало в голове и не паковало чемоданы. Он переходил от белых тигров к ягуарам, проснувшимся и лениво прохаживающимся по клетке, как творческие люди, облачающие утром себя в халат, и шествующие по зале взад-вперед, чтобы отогнать сон и схватить за хвост вдохновение, которое тоже в этой комнате-клетке, правда, тоже не сидит, а кокетничает.

Иван прошел к клетке со львом. Лев лежал, подперев голову, как человек и лениво открывал глаз. С каждым парень разговаривал и делился. Сегодня пал жребий выслушать его царю зверей. Тот еще спал или делал вид, что спит, но тяжело дышал, и выглядел более опасно именно ночью, чем днем, так как в спящем образе могли быть и агрессия, и кроткость, и все сразу, да и можно попасть не в настроение. Но у Ивана было внутреннее чутье, которое подсказывало ему, следует ли идти в эту клетку или следует пока повременить.

– Здравствуй, – произнес Иван, держась на расстоянии от клетки со львом примерно в полутора метрах.

– Ну, привет, – ответил лев. Конечно, он не мог произнести членораздельно: «При-вет», но его стеклянный глаз, ленивый взор говорили сами за себя.

– Не буду я ходить вокруг да около, – сделал шаг парень. – В общем, так, мне нужно с тобой поделиться. Я должен тебе сказать. Такая штука. И не спрашивай почему ты, просто ты и все.

Иван был похож на робкого влюбленного, признающего в любви в первый раз. Этот маленький кусок словно был взят из пьесы, где главный герой окунается в пространство сцены, обволакивая всех взглядом и забывая текст, пытается импровизировать, говоря неточно, но по смыслу.

– Хорошо, не буду, – ответил он блуждающими зрачками, осматривая в руках молодого человека что-либо съедобное. – Только быстрее.

– Я не могу быстрее, – остро отреагировал Иван. – Это не та тема, которую можно обсудить и забыть. Это все намного серьезнее.

– Ладно, Ваня, – уступил царь. – Я тебя слушаю.

И вот, найдя правильную точку, вагон, сошедший с рельс, встал в нужную выемку и пополз, постепенно согласуясь со стальными вагончиками, тархтя и уже не выделяясь на их фоне.

– Не знал, к кому обратиться, – произнес парень. – Не с фламинго же мне разговаривать. Их так много и они совершенно не умеют слушать. Они постоянно издают звуки, словно произносят монолог. Тысячи птиц и все говорят монолог. Ты представь, если люди стали бы про-

износить свои моноложищи. Одновременно. У меня сын-вундеркинд. А у меня сын-инвалид. А у меня нет сына, но есть дочь. Дура душой. Поет весь день, не замолкает. И ту-ту. Ту-ту, весь день монологи. Но кому. Самому себе? Они же совершенно не умеют слушать, – повторил он с большим, нежели раньше, возмущением. А ты, ты не фламинго. Ты, другое дело.

Лев поменял свою подогнутую лапу с правой на левую. И, удобно примостившись около пустой миски, не желал двигать телом, если только не челюстями при каждом удобном случае и хвостом, который, казалось, жил какой-то своей посторонней жизнью – подметал полы клетки, как дворники на автомобиле, и иногда замирал, скрутившись, выражая свое недовольство, а может быть, просто каприз.

– Хватит лести, – произнес он. – Достаточно. Давай ближе к делу.

– Да, да, конечно, – торопливо сказал Иван. – Знаешь, у человека обязательно когда-нибудь наступает момент, когда он должен задуматься о том, что он делает. Не просто относительно этого года, места, где он находится, а нет, большего. Он должен понять, а нужно ли вообще кому-нибудь то, что делает, и заслуживает ли тот хлеб, который ест...

– Поменьше трудных слов, – прервал его царь зверей. Он уже отвернул голову и пустился глазами по тропинке, откуда обычно выходил парень с ведром парного мяса. – Я все же лев, а не академик.

– Да, извини, – сказал парень. – Меня ударили по голове, и я мало что помню, но, очнувшись сегодня, я, знаешь, пришел к какому выводу? Мне непросто об этом говорить, но я думаю, ты меня сможешь понять.

– Смогу, – резко вскинув голову лев.

– Мне так опротивели люди, – прошептал Иван. – Да, все человечество разом. Все особи. И женщины тоже. Они словно вышли из меня или я из них. Я взял лодку и оттолкнулся от берега и стал плыть, плыть...

– Ты же обещал, – повернулся на другой бок лев, при этом издав такой рык, что Иван, держась теперь за чугунные звенья, сделал шаг назад, но руки словно приросли, стал одним из элементов этой клетки, и его тряхнуло, как при высоком напряжении.

– Да, прости, – согласился парень. – Не мог сдержаться. Я же что здесь? Вот, попрощаться пришел. Наверное, мы больше не увидимся.

– Ты куда? – привстал царь. Он заинтересовано смотрел на странно одетого парня, но, так как много прошло посетителей со странными фасонами, этот не шибко бросался в глаза.

– Пока не знаю, – сказал парень.

– Может туда, где тепло? – предположил лев.

– Да мне не важно, – произнес Иван. – Пусть там будет очень холодно, градусник зашкаливает, но вот здесь...

Он стал бить себя в грудь, сомкнув зубы, напрягая шею и плечи в односложном сочетании.

– Вот здесь должно быть что-то недремлющее, неспящее, живущее, – прокричал он.

– А что люди? – спросил лев, наблюдая за этой жертвой.

– С виду добрые, а внутри черствые оказались, – ответил парень. – Ну и как дальше верить. Я не знаю.

В рядом стоящей клетке проснулись очковые медведи, издав сонный писк и рокотание. Наравне с этим звуком по дорожке с узорами из луж, утопая в некоторых наполовину, двигались лаковые туфли. Это был управляющий. На нем был оранжевый галстук. За ним семенил старик.

– Что за история? – спрашивал он у старика, а тот едва слышно произносил:

– Дело в том, – неторопливо говорил старик, – что я утром обычно хожу на обход, перед тем как вы приходите, так вот.

– Как он здесь оказался? – громко спросил управляющий и в его голосе послышался едва уловимый дефект.

– Так я что, – продолжал старик, пока они подходили к эпицентру происходящего, – Он ведь работает здесь.

– Ночью, – продекламировал мужик и обильное слюноотделение не оставило старика равнодушным, он закрыл глаза, – в костюме, в час, когда животные спят. Люди приходят, и что они должны видеть?

– Что должны видеть? – перепросил старик и стал тереть ухо, которое видимо дало о себе знать выстрелами и пальбой в ответ на внешний натиск.

– Вы работаете уже две жизни, а запомнить не можете, – сурово сказал он. – Люди должны здесь видеть дикую природу.

– В клетках? – спросил старик. – Дикую природу в клетках. Такое разве возможно? Дикая она другая.

– Это не должно мешать! – крикнул он так, что старик подумал, что эту характерную черту он уже видел, в одной из клеток обезьян, когда те не могли поделить один банан на троих.

– Но мешает, – спокойно произнес старик и хотел изложить веские аргументы с высоты своего солидного возраста, но не успел, так как зашкаливающая по децибелам волна вновь накрыла его мозг, напрягая перепонки:

– Хватит.

Он был солидным человеком, и все было при нем. Костюм в клеточку, галстук броских тонов – он тоже походил на своеобразную особь среди людей, которая имеет свой четкий ареал. Статная фигура, солидный арбузный живот и длинные руки, что для начальника было крайне удобным. – найти, поймать и принести. На его лице редко можно было заметить хоть какую-нибудь растительность, кроме нескольких волосков, выступающих из носа, в частности правой ноздри.

Он подошел к парню, который продолжал держаться за клетку, как будто хотел ее перенести в другое место и вот он только что взялся, чтобы начать это делать, а может быть, уже подвинул на несколько сантиметров.

– Ты что здесь забыл? – прошепелявил он, что добавляло его внешности суровый контраст.

– Я ненадолго, – парировал Иван, подмигивая льву, как непосредственному участнику его заговора.

Управляющий держал в руках увесистый портфель, который заставлял немного прогибаться под его тяжестью – он раскачивал все больше и больше, и казалось, что в какой-то момент вся эта кожаная аббревиатура солидности опустится на Ивана, погрузив его под бумагами, ключами и домашними обедами.

– Что ты здесь делаешь? – строго произнес он.

– Разговариваю, – ответил Иван, пытаясь разглядеть во взгляде управляющего то же выражение, что и у льва, которое ему подсказывало и трансформировало живые образы в слова.

– Зачем? – не понимал он.

– Мне это нужно, – пытался его убедить Иван.

– Но животным это противопоказано, – сказал мужчина с выпирающим животом. – Понимэ? Или охрану вызвать?

Он отмерил расстояние, на котором находился шербатыый старик, пропустивший парня.

– Я же ничего... – пытался вставить старик. Он взволновано теребил левое ухо, как будто оно было волшебным и если долго тереть, то случится чудо и все вернется на круги своя. – Я же ничего...

– Молчать, – громко, но в то же время хладнокровно произнес мужчина. – Все виновные будут наказаны. Никто не останется без наград. Вход на территорию в неположенное время

наносит травму животным. У нас не музей мертвых полотен, у нас не кунсткамера. Хотя даже и там есть свои не менее строгие законы.

Управляющий говорил, как судья, которому можно было все – от его меча могли погибнуть, а могли остаться в живых. Он двигал губами, извлекал звуки, но казалось в этом процессе совершенно не участвуют глаза, мозг и только губной проигрыватель верещал в то время, когда все остальное или спало, или думало на совершенно посторонние темы, не связанные с животным миром.

Иван смотрел на этого смешного толстого человечка, и ему даже стало жалко его, что тот тратит свою жизнь на эти дурные лекции, изобрел этот губной аппарат, чтобы не тратить попусту энергию других частей тела. Поэтому он стал говорить с ним на его языке. Монотонно, сухо и громко.

– Но они нуждаются в этом даже больше, чем люди, – произнес Иван, – и я могу это доказать.

– Что? – не ожидал управляющий, и в его устройстве произошел сбой. К процессу подключились глаза, и на лбу появились черточки и, казалось, сейчас появятся кружочки, закрашенные и полые, кавычки, как ноты на нотном стане.

– Вот в чем дело, – решительно сказал Иван. – Они живут меньше, а стресса получают больше. Это первое. Второе просто. Они в клетках.

– Ты уволен, – не менее решительно произнес управляющий. В его машине губы – глаза примешался тик, который срывал глаз с его насиженного места, возвращая только через долгое мгновение уже в потрясенном состоянии.

– Не понял, – произнес Иван.

– Уволен, – повторил мужчина, схватил паренька за ворот, и протянул жертву старику, который принял его с должным видом Иван смотрел на старика, который нервно моргал, словно шептал:

– Будь моя воля, я бы его в пруду искупал. Надеюсь, я тебя не сильно держу. Ну что пойдём. И только после на льва, который своим видом говорил:

– Мне он тоже не нравится. Съел бы. Встретился бы он мне в естественной среде, тогда бы он покочевряжился. А тут что я смогу сделать?

Старик хотел пойти, делая вид, что крепко держит нарушителя, но Иван упрямо встал и произнес:

– Подожди, у меня осталось еще одно маленькое дело.

– Ваня, – уговаривал его старик. – Не здесь. Не самое удобное время, милоч. Да и место тут не хорошее. Оно, конечно, хорошее, только не для тебя.

Дед вертелся, крутясь между двумя огнями, желая больше угодить Ивану, но, понимая, что должен соглашаться с управляющим.

– Не хочешь по хорошему?! – грубо произнес управляющий, доставая из нагрудного кармана рацию.

Он нажал на кнопку устройства, и произнес «Охрана!», но рация хоть и шипела, но не желала работать.

– Чертовщина какая! – вспыхнул он, не зная, кого обвинить в этой оказии, плюнул в сторону, попав себе на штанину. – Чертовщина едет и чертовщиной погоняет.

И Иван закричал, прерывая этот монотонный бред:

– Прощайте, звери. Я ухожу от вас в другой мир, искусственный.

– Все убирайся! – толкнул его толстяк и, не дожидаясь, пока старик отправит его за ворота, сам взял его за шкирку и поспешил к выходу.

Иван ударил его по той руке, что сжимала блузку, и крикнул с не менее широким диапазоном, как при прощании с животными:

– Да шел бы ты!

– Что? – в очередной раз опешил мужчина, у него заработал произвольно глаз, и вся фактура, сперва отступила, а потом поперла на молодого человека, желая подмять его весом.

– Иди ты! – повторил он. – Пошел ты! Прямо направо, вниз, вниз и еще вниз, пока не упрешься в стенку, а там спросишь!

Он пытался схватить парня, но с годами утраченная резвость подвела и он молотил руками воздух, словно ловил насекомых.

Понимая, что молодой человек слишком прыток и чтобы прогнать его, нужно обладать вертлявостью как у макаки, а раз этого нет, то нужно действовать как-то иначе – например, вербально.

– Да что ты понимаешь? – произнес он. – Животные – не игрушки. С ними надо по-особенному.

– По-особенному? – загоготал Иван. – Я тоже так думаю. А вам бы все мясо разнообразить. Разве мясо им нужно. Им нужна ласка. А вы клетку на клетку поставили. Тигра поставили над обезьянами. Каково? Вы что думаете, обезьяны будут довольны?

Не желая вести с ним диспут, да и кто он такой, думалось ему, управляющий заорал, срывая связи:

– Вон, чтобы я больше тебя не видел!

Иван улыбнулся, сделал шаг к выходу.

– Я бы с удовольствием забрал с собой всех млекопитающих, – сказал он. – Но благо есть люди, которые могут о них позаботиться.

– Вон! – зазвучало в гулком московском воздухе, и голуби, изредка показывающиеся над зоопарком, в этот момент оказались под куполом, обзорева не такую идеальную, как говорили, жизнь.

– Да пошел ты! – повторил лысый парень и еще более громче. – Прощайте, мои дорогие! Пока, царь. Спасибо, что выслушал.

– Не за что, – откликнулось в ленивом взгляде льва, и где-то далеко в самой глубине кристаллической структуры глаза мелькнуло то живое, что есть у льва во время охоты, спящего под деревом в саванне, и разминающего ноги тогда, когда ему вздумается.

В ответ доносились отголоски эха «те-те» и белохвостые, псовые, непарнокопытные, ластиногие отреагировали, срываясь в общую панораму звуков в виде хлопаний, визжаний, верещаний, воя, карканья, кваканья, клекотания, кудахтанья, лая, мяуканья, пищания, пения, ревения, ржания, рыкания.

Иван направился к выходу, остановился и, неожиданно повернувшись, бросился бежать по траектории зоопарка.

– Куда? – крикнул управляющий и ринулся за ним, толкая старика, который уж снял шляпу, показывая свой платок, который очень гармонировал с блузкой Ивана. – Черт бы вас побрал всех!

Иван бежал по территории, минуя дом птиц, слоновник и круг катания на пони, около которого он любил стоять и представлять, как одна маленькая пони катает неугомонные полчища детей, худеньких и полненьких, затем свернул в какую-то аллею, не существующей для него ночью вовсе, прошел узкую лесенку, по которой мог спуститься только один человек, и бочком вышел на еще одну дорогу, ведущей к клетке, где никого не было. Он услышал за спиной крик и понял, что за ним гонятся, и он представил, как управляющий верхом на бегемоте таранит все стены, деревья, отшвыривает стоявшие клетки, чтобы добраться до него и эта клетка, которая своей полосатой полкой и убогой структурой пугала, была предназначена для него. Для кого же еще?

Он пустился бежать по объемной дорожке с неровными камнями и увидел еще один зеленый вход, не останавливаясь, нырнул в него, в надежде, что тот приведет к выходу, как

это часто бывает в городе, как один подземный переход служит артерией к торговому центру, между дорогами и метро.

Он понял, что впервые заблудился. Ночью он знал здесь все, проходя самые темные места, зная на ощупь все скульптуры, находя по звукам в клетке его обладателя.

Он шел по лабиринту, вдоль какой-то стенки, за которой были мириады звуков – тревожные и не очень, с угрозами и просто визгом, животные, птички, человечьи. Порой человек, казалось, издавал птичьи крики, а птицы говорили не хуже обладателя голосовыми возможностями. И выбравшись из него, выйдя на поляну, вокруг которой не было ничего, кроме странного частокола, он почувствовал себя гладиатором, на которого сейчас спустят всех собак этого мира – больших и не очень, маленьких, но знающих себе цену.

Над ним смеялись. Птицы кричали с особым вопиющим задором, как во время массовых сборищ и животной добычи. Они смеялись, провожая своим уродливым взглядом, с пустотой в глазницах. И тех, которые смотрели на него в первый раз ленивыми глазами, не понимая, почему он не может дольше постоять около клетки и бросать в нее хлеб, который так любят подбирать городские птицы.

– Смейтесь, смейтесь, – бурлило в нем. – Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Не правда ли серьезная фраза? Пусть они все первые, а мы будем последние!

Первые не могли угомониться. Фламинго были красноречивы, утки неучтивы, гуси вздымали крылья, пантеры ускоряли шаг, как в работающей турбине.

Наконец он пробрался к выходу, незаметно для сборища персонала, которое на четвереньках лазая в кустах, искало первопричину смуты. Старик был на своем посту.

– Ваня! – воскликнул старик. – Вот ты заставил их провернуться вокруг собственной оси.

– Ладно, дед, – сказал торопливо Иван. – Свидимся, быть может. А если нет, то нет. Силуэт моргнул на повороте и обернулся пролетевшей «копейкой», шарахнувшей по тормозам, пропустивший карету «скорой» и одного мотоциклиста. На его место встал дворник, который вышел в первый день на эту работу, он оглядывался по сторонам, словно боялся встретить кого-то из знакомых, которые не поймут этой подработки.

Иван шел, шел и незаметно пришел к тому месту, где обрывалась земля, и волны загибали свой край, волнуя мокрое полотно под проплывающими судами.

Сцена 3 Под мостом-2

Парень с лысой головой торопливо спустился по прямоугольным ступенькам с шероховатыми изгибами и, когда его нога опустилась в песок, мокрый и твердый, как цемент, карикатурный и нереальный, он очнулся. Всю дорогу он шел, внутренне настроив себя на подсказки, которые были на каждом шагу. Стоящая около метро дама опустила руку вниз и ее ноготки ровным рядом были направлены вниз по лестнице, где своим приходящим гулом звал поезд подземки, унося за раз сотню-другую пассажиров, увидевших знаки и просто знающих, куда следует идти и где их ждут.

В спину дул теплый ветер, когда он стоял около окна, и черная полоса в окне с изредка появляющимися кометами дарила этой нищенской мгле каплю золота через равные промежутки. На третьей, то ли четвертой остановке вошел мужчина в меховой шляпе, как на картине Рембрандта, где шляпа была подобна нимбу, она окружала ореолом этого человека и делала его, помимо его добрых, щедрых глаз, еще нравственнее, еще красивее. Хотя он был невзрачен – неаккуратно подстриженная бородка, густые сорняки бровей, мешки, морщины на лице, но достаточно было внутреннего обаяния, чтобы любоваться им. Он сел на свободное место прямо напротив Ивана, и посмотрел на него сперва ознакомительно, через какое-то время, пройдя глазами двух-трех пассажиров справа и такое же количество слева, более внимательно. На третий круг он заговорил, точнее молодой человек услышал. Дед молчал и его внушительный взгляд, который заставлял улыбаться, благоговеть и совершать поступки, произносил слова.

– Убегаешь? – спросил он, гармонично открывая и закрывая глаза.

– Я? – удивился Иван, оглядываясь по сторонам.

– Ты, – повторил он и почесал нос, самый кончик, по часовой стрелке.

– Да нет, – возразил Иван. – Просто еду.

– Куда-то знаешь? – подмигнул старик и двумя руками стал поправлять свою шляпу.

– Наверное, – машинально ответил парень.

Ситуация напоминала то, что произошло пару часов назад около клетки со львом. Говорящий лев и говорящий человек, но последний говорил глазами, не произнося ни слова вслух, правда, Иван слышал и пытался отвечать тем же.

– Так да или нет? – осторожно спросил старик.

– Наверное, да, – не менее осторожно ответил парень.

– И куда? – продолжал спрашивать старик.

– Вперед, – ответил Иван.

– Хорошее направление ты выбрал, молодой человек, – кивнул головой дед. – Положительное.

– Спасибо, – повторил он кивок старшего поколения.

– Не торопись благодарить меня, – повернул голову дед и нахмурился.

– Отчего? – удивился Иван.

– Я спешу тебя предостеречь, – мрачно сказал он, – что вперед нас движет не одна дорога.

Спешу тебя скорее огорчить, чем обрадовать: все дороги вперед и все дороги назад. Но ты должен пройти хотя бы половину неправильных дорог, чтобы найти то, что тебе нужно. Вот одна истина, остальные знать необязательно.

То первоначальное спокойствие на лице обернулось мрачной тайной, и когда открылись двери на одной из станций, Иван вышел, задев тучную женщину за висящую на ее руке авоську с мандаринами. Мандарины вздрогнули у поднявшей от удивления глаза женщины, а парень

затерялся в толпе, вдыхая очищенный плод, раздавленный неосторожно при снятии оранжевой шкурки.

Парень провёл по гладкой голове с легкой подступающей из недр порослью, и увидел при выходе, что одинокая тучка появилась в чистом небе, желая напугать своим видом и возможным проявлением. Но поглощенный своим коварным занятием, небесный агрессор не заметил, как стал сгорать в воздухе, теряя свою былую пышность. Иван увидел указатель над японским рестораном, показывающий направление, и заманчивая надпись гласила: «Город солнца». На ней было изображено восходящее солнце красными линиями на желтом фоне. И он последовал по этому пути.

Двигаясь по траектории неба, а не земли, понимаешь, что двигаться легче, но несоответствие делает эту дорогу более сложной – препятствия на каждом шагу, которых не так много в поднебесной, останавливают, по движению, но не по ходу мыслей.

– Что ты ищешь? – услышал он. Вчерашний день?

Этот голос ему был знаком. Не так давно, даже совсем недавно, да и координаты...

Мост крепко стоял на своем прежнем месте. По его могучим волосам бродили мелкие мошки, направляясь в разные стороны, создавая иллюзию беспокойства. Однако мост был спокоен, несмотря на легковые авто, велосипеды, фуры, грузовики, которые своей многотонной тяжестью давили и заставляли оседать с каждым днем пусть на незначительные, но все же ощутимые с годами размеры.

А голос, связанный этим местом облачился в фигуру мужчины-философа, который одиноко бродил по берегу, подкидывая правым носком ноги камешек, а другим подхватывая, с большей силой запуская его вдаль, чаще всего в сторону воды.

– Да, наверное, – ответил Иван.

– Вчерашний день ищи завтра, – сказал философ.

И как будто ничего не произошло. Приснилось или привиделось, во сне, в забытии, в мучавших его думах. Но этот человек, который ходил по берегу, как по частной собственности – мост, по которому он любит гулять, соединяющий его летний и зимний домики, а по реке ходят его суда, на которых ловят рыбу, возят товары и просто катают желающих, он был живой и такой знакомый. Не говоря уже о ветре, который, как верный пес, окружил его, стоя на задних лапах, проявлял свои чувства, не желая остановиться ни на мгновение.

– Что это значит? – спросил Иван.

– Только то, что уже услышал, – спокойно ответил философ.

– Да я ни черта не услышал! – грубо сказал Иван.

– Услышал, услышал, – хитро сказал философ.

Вчера он бубнил себе под нос, сегодня говорил не только понятно, а даже с налетом интеллигентности. Иван вспомнил того мужчину в пальто и малиновой шалью и подумал, неужто среди них одни образованные люди. Только одного толстяка нельзя было отнести к этому сословию.

– Возьмите меня к себе, – произнес парень. Эта мысль у него возникла только что.

– Мне тоже нравится играть в камешки, – подумал Иван. – И представлять, что, посылая камень, к тебе придет не град камней, а легкий смех потревоженной воды. Быть свободным, но не одиноким.

– Нет, – ответил мужчина в джинсовом комбинезоне. Он продолжать перебирать носком ноги камни, словно искал драгоценный камень или тщательно припрятанный предмет в этой прибрежной плоскости.

– Но почему? – не понимал Иван.

– У тебя способности не жилы надрывать, а другое, – ответил философ, и что-то забубнил себе под нос, проговаривая то ли заклинание, то ли еще полюбившиеся строки из стихотворения или прозы.

– А где младой? – спросил Иван.

– Вернулся, – ответил мужчина, и подцепил еще один найденный камень, подкинул его на сажень, и, дождавшись пока тот спадет на четверть этой длины, отправил в свободный полет той же подсеченной ногой. – Вернулся к себе домой.

– Я думал, он теперь с вами, – промолвил парень, наблюдая за плюхнувшимся камнем, проглоченным огромной лужей воды.

– Нет, это у меня стаж с рождения, – сказал философ, – боюсь сказать сколько, да и не считаю я уже, а у них так – игра на выживание. И ты наверняка тоже хочешь поучаствовать в этой игре. В этом шоу, в которое превращается вся наша жизнь. Но входят туда люди добровольно. Как только изменят самому себе. Измена себе – это хреновая штука.

Он так просто и грубо назвал измену, что та в его глазах стала похожей на ржавую трубу в туалете, прогнившую и уже источавшую неприятные пары. Иван же сморщился.

– Да ладно, живи сейчас, не правда ли? – произнес Иван, припоминая лозунг, звучащий среди молодежных движений и пенсионеров, понимающих, что жизнь короче, чем они предполагали.

– Правильно, только почему здесь? – прошептал мужчина.

– Не знаю, – сказал Иван. – Интуитивно как-то.

– Вот именно, интуитивно, – произнес философ, – то есть слепо, бессознательно, не отдавая себе отчета.

Его носок перестал перебирать камни и теперь стоял рядом с другой ступней, без движения, зато взгляд ожил и устремился на Ивана, словно нашел то, что искал, и этот найденный объект стоял перед ним, стряхивая с себя подкаменную пыль.

– Почему? – не понимал парень.

– А сюда попадают, когда понимают, что больше некуда, – продолжал старик, не отвечая вопросы. Все то, что он говорил, было большим развернутым ответом, просто нужно терпеливо выждать его окончания. – Это крайнее место.

– Но мне некуда, – пытался Иван, запуская каплю сквозь стекло, понимая, что это маловероятно.

– У человека должно произойти что-то существенное, – звучал голос философа, как радиопередача, имеющая только одно ограничение – лимит эфира, – например, сгорел дом, или предали близкие.

– Я... – пытался сказать Иван, но пытливый старик его опередил:

– Что ты? – крикнул философ. – Я, я... да что ты? Что у тебя произошло такого? Обиделся на родителей? Не купили тачку на день рождения? Вместо этого подарили пса, а ты его выбросил с моста. Затем ты бросился его спасать, но было поздно. Так?

– Нет, но... – робко прошептал парень.

– Никаких но, – воскликнул старик, – все это молодость. Все радуются, вспоминают о ней, с сожалением, что она прошла, а я рад этому. Вряд ли у тебя сгорел дом или взлетели на воздух отношения с близкими...

– У меня как раз такой случай, – прервал парень, напряженно дергаясь, как капля в окне, нашедшая возможность проникнуть внутрь дома, и уже наполовину покоилась в толще стекла, не имея возможности сдвинуться.

– Ну да, ну да, – услышал философ. – Документы, дом, некуда поехать?

– Есть куда, – нервно вскрикнул молодой человек. Капля затрепетала.

– Вот видишь, – серьезно сказал философ. – Есть куда ехать, но амбиции. Игра. Как только хлебнешь половником кипятка и проглотишь горячую жижу, тогда вся твоя прыть растворится и ты на первый поезд до своего хутора, где тебя всегда ждут?

– А если...? – неуверенно сказал Иван.

– Что если? – повторил философ.

– Если я выдержу и стану частью этой системы, – таинственно произнес Иван.

– Блин, – засмеялся философ, – Систему выдумал. Да нет никакой системы. Что, глаза открыл? Не думаю. Люди выживают, всего то. Слабые мрут, сильные живут, средние становятся либо сильными, либо слабыми. Вот и все. Друг друга едят, так как каждый сам за себя. Если хочешь, то, конечно, можешь называть это системой. Хотя разве система это не там, где все правильно, но разве это нормально, когда из-за куска хлеба братья перестают быть братьями, а из-за того, что твои ноги не ходят, оставляют тебя гнить, не спрашивая о том, какую бы смерть предпочел? Нормально? Лежи уж, баста, и не ерничай.

Он гоготал как подорванный, как будто до него дошел смысл всего того что происходит – вся нелепость этой ситуации, когда обычный бомж учит парня быть человеком, а тот напрашивается к нему в ученики. Философ широко открывал свой большой рот, в котором сохранился верхний ряд зубов, хотя нижний был намного реже.

– Не думал, что он может смеяться, – прозвучало в голове у парня.

– Стоит мне посмотреть на человека, и я вижу, – серьезно сказал мужчина, прекратив смех, вытирая рукавом выступающие слюни. – Вот ты, если не обращать внимания на твой наряд, конечно, молодой человек, адепт.

– Кто? – удивился Иван.

– Приверженец одного учения, – растолковал он. – Но, в чем и парадокс, таковым не являющийся.

– Отчего же? – спросил Иван.

– Потерпи, – сказал старик. – Ты сегодня адепт одного учения, завтра другого. Такие люди уже не адепты, а скорее дикари просто.

Это слово тоже прозвучало немного вычурно. Философ заслонял собой солнце, светившее сегодня ярко, проведя вчерашний день в мареве. Иван смотрел на него снизу вверх, хотя тот был на полголовы ниже его.

– Что же ты в банкире симулянта не признал? – спросил Иван.

– Он бы мог остаться, но родился ребенок, – ответил старик. Банкир не знал, когда уходил. И женщина, которая его оставила, не знала что на сносях. В общем, частный случай. Пришлось отправить.

– То есть он не сам ушел? – удивился молодой человек.

– Нет, конечно, – возразил философ. – Он хотел остаться. Ведь эта жизнь – она привлекательна. Свободой, независимостью во всем. В выборе пути, еды, собеседников, крыши над головой. И это все есть и лежит приготовленное для тебя. Только надо знать место. Я знаю много мест для целого поколения, чтобы они не знали нужды.

– Ты что, богатый человек? – спросил Иван, внутренне посмеиваясь.

– Можно сказать и так, – согласился старик. – Только богатство – не монеты, а умение приспособливаться к этой жизни, использовать ее ресурсы на полную катушку.

– Я бы хотел научиться этому, – сделал еще одну попытку парень, но внутри у него уже появилось тонкая лимонная долька сомнения, заставляющая морщиться.

– Не все выдерживают испытательный срок, – сказал старик. – Они ведь не понимают сладости не потому что не сдерживаются, а потому что осознают, что это не их, что перегорело, вся злость ушла и осталось то, что действительно правильно – дом, семья, работа, прочие шаблоны, которые выстроили перегородку в их голове.

– И вы меня не сможете взять даже на испытательный срок? – спросил Иван, скорее из желания завершить начатую тему.

– Нет, первый вступительный тур ты не прошел, – произнес философ. – Ты поел, выпил и не смог выкрутиться в ситуации. А это...

– Я научусь, – прокричало в нем, и молодой человек нервно задергал пальцами, как пианист перед выступлением.

Голос, движения вобрали в себя всю амбициозность и нрав, которые впитывает в себя детство, отрочество, в котором он еще пребывал, не зная, когда сможет переступить на следующую ступень взросления.

– Учись в другом месте, – отреагировал философ и стал торопливо собираться. – Извини, я спешу. И тебе советую здесь не оставаться. Интересный костюм, но не слишком простой, вызывающий на разговор.

Он посмотрел на парня, улыбнулся мягко, почти по-родственному, и своим взглядом потрепал его по макушке, на которой за сутки образовалась темная насыпь растительности, пожал руку, вручил денег, билет на самолет, в один конец, до того места, где ждут... одним только взглядом, не переводя в действие.

– Документы верните, – ответил парень.

– Не я их взял, – спокойно сказал философ. – Не мне их отдавать. А у нас принято так – каждый за себя.

– Верните хотя бы документы, – настаивал Иван. Ему казалось, что этот человек сейчас все устроит: найдет ему приличную одежду, сменные вещи, деньги, позвонит хозяйке, чтобы та его вернула, наговорит, конечно, с три короба. И не говоря уже о документах – те наверняка преспокойненько лежат в одном из многочисленных карманов его комбинезона и вот, закончив этот пустой диалог, ни приведший ни к чему существенному, он отдаст ему, поблагодарив за хорошую игру.

– Знаю, я этот прием, – подумал Иван. – Откуда у интриги ноги растут. Но меня не проведешь. Ну, ладно, поговорить ты горазд, но на деле-то что?

И Иван подошел вплотную к старику и теперь стал намного выше его. Он смотрел ему в глаза, словно говорил:

– Ну, и с какого кармана начнем? Тот, что на груди, или на мягком месте? Может быть ты сам отдашь?

– Не думаю, что они их сохранили, – сказал философ, понимая поведение парня. – Наверняка, бросили в мусорный бочок, – и все, – нет фамилии.

Иван отступил и снова стал маленьким, жалким. Он присел на камень, не смотря вниз, и теперь философ вновь показался крупным, как колонна, являющаяся одной из важных составляющих чего-то более крупного и целого.

– До встречи на небесах, – весело произнес старик, – так как на этой земле мы вряд ли пересечемся.

– Почему? – удивился Иван.

– Я уезжаю на юг, – сказал философ. – Там мои корни. Хочу, под старость лет вернуться. Что-то мне подсказывает. Интуиция, наверное, – засмеялся он и пошел в сторону подъема, где проходит граница между сырой окончательностью и сушей.

В небе появились белые пятна облаков, как в телевикторине, в которых мигали вопросы, и давалось некоторое время, чтобы успеть ответить и заработать призовые очки.

– Как хорошо родиться человеком и умереть им, – звучало у Ивана на уровне глаз и лба. – Как хорошо вырасти на лугу ромашкой, и завянуть ею. Не быть съеденной или сорванной, чтобы засохнуть. Вот философ родился на улице, так и умрет...но он хочет вернуться домой. Зачем?

В небе загалдели чайки, пытающиеся осадить набежавшую волну – одна из них задела крылом беспокойную накипь на воде и не ожидав холодного прикосновения и плотности, взмыла вверх, забыв о своей команде. Она превратилась в жирную белую размазанную точку в голубом небе и, пятась куда-то назад, стала то увеличиваться, то уменьшаться под взоры судачащих птиц.

– Или эта птица. Испугалась первых трудностей. Хотя сама первая рвалась, чтобы окунуться всей тушкой в воду, а теперь маячит в небе, снимает стресс. Не думаю, что в скором

времени, она приблизится к воде. Тут нужен мощный психотерапевт, способный ее убедить в безопасности процесса.

Философ шел по мосту, держась за поручень, как за большую собаку, которая знала направление. Он крутил головой и только сейчас, когда их разделяло около пяти сотен метров, Иван обратил внимание на его походку,двигающиеся при ходьбе руки и тик, хотя ничего подобного не мог заметить на расстоянии вытянутой руки.

Неожиданно птица, совершившая зигзаги, прокричала в небе что-то нечленораздельное, как-то нестандартно, необычно для чайки, любого пернатого, а приближенно к человеку – с гаммой чувств, драматическим порывом, вселенским размахом – и упала камнем вниз, пробурвав толщу воды своим хрупким телом.

– Вот это да, – прокричало в голове у молодого человека, в унисон птичьему реву. – На верную гибель. Она – супротив своему я...

И через мгновение на поверхности воды показалась ее взъерошенная головка, которая будто вылезая из вязкой массы, как при рождении, закинув голову, прикрывая глаза, устремилась в ту чистоту, которая зовется воздухом.

– Безумная, – шептало подсознание.

Тройка птиц ошарашенных поведением этой вольницы, отлетела в сторону и присев под своды моста на широкие жерди, молча взирали, как их соплеменница боролась со своим страхом.

– Безу...да она их делает! – работал мозг. – Сама выбирает себе роль. Ну на...черт! Вожак сказал лететь всем вместе, и она послушалась, но только поначалу. Вот дает! Мирно летела, и так, наверное бы, и летала, если бы не внутренний позыв, твердивший «ну давай, что же ты!». И она поняла, что та роль, в небе, правильная шаблонная, принадлежит им всем. То есть они все – те, кто машет крыльями на пару, играют одинаковую роль в этой птичьей пьесе. И если одна не выйдет на сцену, то, в сущности, ничего не изменится. Они также будут летать, вместе замирать над мостом и плюхаться в воду за призрачной рыбой. И это маленькое слабое только с первого взгляда существо прокричало «хватит», хлопнуло крыльями, и решало преобразовать себя в зримого персонажа. Незаменимого. Создающего конфликт. Какая умница!

Чайка, словно почувствовав эти лестные волны похвалы, взлетела еще выше и повторила свой подвиг, совершив пике под другим углом немногим дальше от берега. Сидящие на жерди издали крик непонимания, возмущения, сострадания, но в глубине позавидовали ей, так как никогда не решились бы на то, хоть им и казалось это самоубийством, верной гибелью. А пойти на верную смерть и ради чего? Непонятно, но ведь одна из стаи пошла. Значит было чего ради.

– Как умный режиссер, раздающий роли, – завертелось в голове с легким скрипом. Барбан завертелся, нанизывая на себя лоскутки идеи.

Вдалеке показалось несколько силуэтов. Их было семь. Как в американском вестерне про семерых, ищущих золото. Они шли как призраки, перепутавшие ночь с днем, сливаясь в одну размазанную полосу, у которой было четырнадцать ног, и эта гусеница приближалась, увеличиваясь в размерах, но не становилась от этого четче. Ее словно поглотил сумрак и держал за полупрозрачной щекой, как лекарство для больного зуба.

– Теперь я смогу, – сказал Иван вслух, понимая, что у него взошел росток, который, как оказалось, не медлил, а назревал все это время.

Эта мысль его окрылила. Он не думал о гусенице, выбирающейся из за щеки и показывающей свои неприятные наросты. Его совершенно не волновало, кто приближается, удаляется по горизонту, падает и поднимается по вертикали и мало интересовали эти люди – те, что под мостом, над и вне этой территории, думающие о насилии, наживе, решающие свои проблемы силой. Они не знали секрета. И не узнают, вероятно, так как ходят, едят, идут на преступление вместе. Они не знают о...а он знал. Эта потрясающая мысль открыла ему новые горизонты. Массивная дверь, около которой он ходил каждый день и не думал, что она открывается, пред-

полагая, что не по его силам, да и ключ не подобрать, слишком много неясного... теперь стала такой реальной, такой живой, что ее можно было пощупать.

– Что ты делаешь? – услышал он неприятный голос одного из семи, что сейчас распался на смутные образования, встав друг от друга примерно на одинаковое расстояние. Он не смотрел на них, только видел блеклые пятна на солнце, которое опрavelялось в зенит.

– Как умный, – произнес он.

– Чего? – ответил еще один грубый голос в унисон первому.

– ...режиссер, – продолжил Иван.

– А? – не понял первый, решив самостоятельно решить эту каверзную задачу.

– ...раздающий, – говорил уверенно парень.

– Ы? – кто-то обнажил зубы, чтобы рассмеяться.

– ...роли, – твердо сказал Иван.

– Э? – и снова первый неприятный тембр произнес одну из букв алфавита, выражая эмоции человека отнюдь не нашей эры.

– Как умный режиссер, раздающий роли, – произнес молодой человек. – Как умный режиссер. Раздающий роли.

Он это увидел. Подмости. Щиты, доски, все просто. Кулисы, занавес, можно без них. Но главное то, что происходит на сцене. Фурор. Диалог, броские взгляды, драматические моменты и много актеров, которые актерами и не являются, но хотят и, что не маловажно, с деньгами в карманах. Вот пышный человек, нефтяной магнат, признается в любви директору холдинга, неловко, неумело, с зажимом, но это тоже не важно. Билеты будут проданы. Кому – подчиненным раз, родственникам – два, да мало ли.

– Ты чего свихнулся, – прозвучал грубый голос.

Теперь он их увидел. Семь, не больше и не меньше. Одеты одинаково, в синих робах, как строители или уборщики. Почти одинаковые, глаз узкий, рот маленький, не понятно чего хотящий. Нормальный принцип подмостья.

– Да пошли вы! – прорвался он из закулисья, пройдя несколько планов, минуя оживших персонажей его идеи, прыгнул на землю, на камни и взял один, средний по размеру, припоминая на кого тот похож. Он вспомнил своего первого учителя по физкультуре – длинный тощий, один выступающий нос и увидел в трещинах истории его юморной профиль, который, как живой, говорил «хотите быть как я, жуйте капусту и бегайте». Всегда возникал вопрос куда.

– Ты чего это? – воскликнул старший, чем-то напоминающий вчерашнего толстяка в шароварах. Только у него, в отличие от вчерашнего персонажа с плохим вкусом, была несколько нестандартная фигура – худые ноги и полный живот. Он был похож на желудь, в которого вставили со всех сторон спички – снизу для устойчивости, сбоку для того, чтобы он мог показывать сказанное, так как голос его звучал глухо в этот звучащем пространстве.

– А ну разойдись! – задорно сказал Иван. Его рассмешили пришедшие. Казалось, что их специально отбирали кастинг-менеджеры для съемки. У одного косил глаз, другой держал в руках колесо от велосипеда так растеряно, словно у него угнали этот велосипед, оставив только одну деталь, третий был одет в странного цвета робу, которая, казалось, прошла семь кругов ада, жеванная, обугленная. Также был одноногий с деревянной кеглей вместо ноги и долговязый ребенок.

– Он того, – с иронией прозвучало в толпе. – Не в себе. Вы с ним осторожно. Знаю я таких. Грохнет как мух. Зараз семерых. Не нарывайтесь. Нас семь. А семеро одному не друг.

Толпа загудела.

– Это вы не нарывайтесь, сосунки, – пропел молодой человек. Он чувствовал себя на концерте, окруженный звездами. – Скоро я вас всех сделаю.

– Чего? – закашлялся один, чем-то напоминающий управляющего из зоопарка.

– Сделаю вас, – продекламировал парень. – И вас. И вас. Мне так этого хочется. Ну, кто первый. Ципа, ципа.

Иван протянул руку и в позе кормящего птиц, но не подпуская к себе близко, застыл в ожидании.

– Когда? – испуганно сказал первый.

– Скоро, – пропел Иван, и фанфары позолотили его лоб, отчего он стал похож на Будду, который явился наказывать грешников.

Он стоял на камне, и этот здоровый булыжник, который он чудом поднял, начинал напоминать о своем весе. Физрук смотрел на него исподлобья и чеканил «раз-два, раз-два».

– Вот малец, – ворчала толпа несуразных. – Коротки руки. Удумал. Сказочник. Он решил научить нас. Что будем делать? Может, милицию позовем? Она нас защитит. Или в службу спасения. Или доверия? Фараон, он в меня пукнул. Мне больно.

Это их раззадорило. Большая гусеница вновь соединилась своими частицами, перепутав местами последовательность, от чего стала выглядела еще гротескней, нежели была.

– Новое поколение людей, – подумал Иван. – Этой ночи. Более агрессивных, чем вчера. Хотя уже не знаешь, кто более опасен – те, которые сразу дают понять, кто он, или же одетые в искусственную шкуру. Среди них могли быть, хорошие люди. Например, этот верзила. Глаза не глупые. Интересно, среди этой челяди есть родитель? Может этот, покалеченный. Или тот, что на голову. Стоит только не сделать одного шага в ногу, тогда все...

– Ловите, – спокойно сказал Иван, приподнял на несколько сантиметров камень, задержал дыхание и бросил его в толпу, заставив их разойтись.

– Примерно так, – сказал Иван, стряхивая с ладоней пыль.

Толпа рассредоточилась как упорядоченные атомы, в которых попала частица инородного вещества. Зашевелилась, стала более агрессивной и от того более непредсказуемой.

– Вот сволочь! – закричал верзила, который казался Ивану собратом по уму. – А ну мордуй его.

– Без устали! – поддержал человек с колесом.

И стена двинулась. Гусеница выпучила свои бугорки, и стала похожа на стену из подушек, образованные выпуклыми лбами, щеками, животами и грудью, которая выпирала объемной дугой. Она издавала чавкающий звук, как будто уже разминала вершинный край жвала, где располагались суровые зубцы.

– А ну стоять! – закричал Иван. – Остановились!

Стена замерла, чавкающий звук прекратился. Ветер трепал одежду и был единственным в тот момент одушевленным. Мост, казалось, качнулся и потревожил серый поток с грубым металлическим стуком.

– На колени! – продолжал неистовствовать парень.

– Что? – едва ли не хором прошуршала толпа.

– Я за себя не отвечаю, – горланил он, не сходя с места – Лежать, мать твою!

Трое из толпы упали на камни, четверо присели. Остальные смотрели на них, не понимая их трусости, хотя у самих дрожали поджилки.

– Вы должны лежать, – раздавался голос. – И никто, слышите никто не будет вкаты. Лежать!

Те, кто лежал, потянули за собой сидящих, а те, в свою очередь, стоящих, хотя те уже тоже стали приближаться к земле, чувствуя нездоровый климат и подступивший к горлу страх, мешающий дышать.

– И если кто сдвинется, – рвал связки Иван, – запомнит меня надолго. Я буду его...

– Не надо, – закричал долговязый ребенок.

Народ лежал на берегу, как отдыхающие, примостившие свои усталые тела в тень под мост, и только напряженность в их телах ломала равновесие послеполуденного времени, когда

солнце устает жарить и висит в небе, заглядывая в циферблаты прохожих, ожидая своего вечернего побега.

– Хорошая была пьеса, – пронеслось в голове у Ивана. – Спасибо, драматург. Кто же это написал? Ей богу не помню. Наверное... не помню.

Иван шел и чувствовал, как мост приглашает его пройти, а небо приказывало своим подданным не дуть слишком сильными порывами, чтобы легкий налет свежести создавал положительные эмоции. Но в его груди рокотала та энергия, которая была сегодня запущена, и подожженный фитиль прошел часть пути, сгорая с удовольствием, выделяя максимум возможного, не оставляя ни капли.

Сцена 4

Пошли вы

Дорога выложена асфальтом, а асфальт – это довольно крепкое образование, смесь щебня, песка и минерального порошка. Чтобы вынести постоянное давление, идущее со стороны машин, воздуха, погодных непостоянств. Чтобы терпеть лихачей и спокойных водителей, едущих в тишине под звуки соприкосновения колес с щербатой неровностью или насквозь промасленные кислотными звуками рейва, считающие, что истинный автолюбитель – он и музыку выбирает непростую. Если даже и без машины.

Иван шел против встречного движения. В лицо хлестал ветряными клочками ветер. Он доносил вместе с воздухом, пропитанным парами бензина и пыли, капли, которые летели с неба произвольно, словно не определились – пускаться сегодня на полную или остаться редкими водяными знаками в воздухе. Сигналили проезжающие авто.

Музыкальная рапсодия клаксонов, сопровождаемая редкими выкриками, напоминала речитатив. Он создавал пробку. Как калека среди здоровых, он шел по встречке и слушал окрики, суровые и не очень.

– Ты захотел под замок? – прокричал один из потока в желтом «нисане», сверкая золотым зубом.

– Хочешь в уютный клоповник? – кричали дети из «Икаруса».

– Да шел бы ты, – ругнулся Иван, и все недостатки стали ликвидироваться, меняясь на солнечные положительные блики и людское одобрение его поступкам.

– Уйди по-хорошему, – шипел водитель «Маза» и махал рукой, умоляя сойти, думая о своем портящемся грузе.

– Да нечего с ним церемониться, – крикнул парень из девятки, бросая в идущего картами из колоды, как отъявленный шулер.

Молодой человек покинул прибрежное лихое место и поднявшись на мост, решил сделать очередную попытку доказать всему миру, что «человек – это звучит...». Ему хотелось пройти мост, выйти на Воздвиженку, пройти вперед, пока Садовое кольцо не подмигнет своим суетным очарованием, попробовать вступить в контакт со всеми встречными и попытаться начесть на каждого, не допуская поражения.

– Пошел ты, ты и ты! – реагировал Иван на колкие замечания простым русским «пошел». – Это просто! Пошел – в смысле уходи отсюда! Здесь тебе не место! Да, правильно. Место для меня. Для вас узкая колея. Если понадобится, на одном колесе будете ездить! А мне на это все...!

Иван сроду не ругался. Да и матом, он считал, ругаются только представители рабочих профессий. Дворники, грузчики, торговцы рыбой и капустой, на крайний случай олигархи на задворках своих дел – в сауне и за границей. И его всегда воротило, если человек употреблял матерное слово в довесок к литературному. Услышав песню прекрасного тенора, они говорили ох...-ая песня или при просмотре дневника своего сына, говорили «в меня он пошел, п...юк». Он вспомнил, как вступил в перепалку с пожилым актером, с которым ставил спектакль по Эрдману. Актер, по своей природе был чтецом. Он читал текст на сцене, не преобразуя его в действие, а Иван страсть как не любил внутреннего молчания, которое так и умирает внутри, не загоревшись. Старик, любивший рыбалку и гастрольные воспоминания, ни черта не хотел понять его рассуждений о движении образа.

– Образ не должен замирать, – утверждал Иван. – Он можно сказать борется все время на сцене за право быть замеченным, захваченным в действие. И если он умирает не замеченным, то значит он потерян, утрачен, лишен. Он не должен попадать в разряд запасных. Он главный,

даже если маленький. Вот вы, отец Елпидий, священник. Приходите на панихиду, видите, что лежит человек, по вашему сведению, мертвый, и первое что вы говорите, это «виноват». Понимаете?

Помнится, возникло тягучее молчание, словно Иван ожидал от актера не обычной реакции, а бурного всплеска, осознания, громкого «ну конечно, как же я раньше не мог догадаться». Но тот молчал, сглатывая слюну, и теребил свое оттопыренное колено на вельветовой ткани старых штанов.

– И как вы это скажете? – продолжил Иван, – скажете слово «виноват», так и пойдет ваша линия.

– Да просто извинюсь, – наконец сказал он, – я же набожный человек, а не пустышка какая-то.

– Да, но от рюмочки не отказываетесь, – тут же отреагировал Иван.

– Нет, этого в тексте, – резко сказал старик, взял текст и стал трясти им перед лицом Ивана. – Я мамой клянусь, что этого здесь нет.

– У нас есть, – более чем спокойно произнес Иван, принимая у оппонента из рук пьесу и откладывая ее в сторону.

– Но в пьесе я не пью, – громко сказал он и слюна, которая накопилась у него за то время, пока он слушал Ивана, стала плескаться и попадать на режиссера, – и на сцене я пить не собираюсь.

– А я говорю, священник будет пить, – тут же вставил Иван.

Они едва не сцепились. Спасло милое крохотное существо в лице администратора Марины, которая принесла Ивану кофе, приговаривая «вы себя не жалеете, снова без обеда». Пожилой актер с неприятной фамилией Запоркин посмотрел на эту косвенную взаимосвязь между администратором, режиссером и пьесой, которую уже ненавидел, а вместе с ней и самого автора, а также всех тех, кто творил в этот промежуток времени.

У него зазвонил телефон, прозвучав двумя торопливыми сигналами. Короткое сообщение напомнило о кредите на телефон за пару месяцев.

– Да пошло оно все! – прокричал он в разрывающуюся трубку и уже было замахнулся, чтобы бросить его под колеса растянутого лимузина, как телефон замолчал.

– Живи, – прошептал он. – Не буду тебя выгонять из сухой периодичности. Оставайся. Только если что...

Выходя из подземного перехода, чувствуя, как мысль толкает и норовит промчатся по спирали, оставить видимую борозду действий, ставит дорожные конусы, разметки, граничит с другими трассами, более крупными, уже мечтая перейти на следующий уровень, перевернув мысль другой стороной неисхоженной, внедряя новые разработки, которые разродились от одного маленького семечка, он вдруг услышал:

– Ваню, привет, – махнул голос из 3-й «Мазды». Голос, который сложно забыть. Школа, классы с 8 по 11. Мальчик, страдающий клаустрофобией. Застрявший на канате под куполом спортивного зала. Теперь меняет машины, как женщин, и наоборот. Живет в двух странах одновременно – в Европе делает дело, здесь растит детей. Зовут Валера. В классе так и звали Валькой.

– Привет, – резко сказал Иван, хотя при другой встрече вяло бы кивнул головой и пожелал бы быстрее закончить разговор.

Валера выскочил из машины, присоединившись к нарушителю дорожного движения, и то ли все постовые уснули, то ли за последние сутки изменились правила дорожного движения в пользу пешеходов, но два человека стояли на расчерченной полосе не волнуясь, обратив все внимание друг на друга.

– Давно не звонишь, – говорил Валька. – Не знал, что и ты здесь. А я вот домик прикупил в Испании. Нынче хорошие скидки. Могу посоветовать неплохого риелтора. А в России сейчас небезопасно. Летом – смог, зимой – гололед.

– А он совсем не изменился, – мелькнуло тотчас. – Такой же пижон и говорит на выпендренном языке, не допуская никого в свой круг.

– Давно хотел сказать тебе, – прошептал Иван, но не успел, так как оголтелый велосипедист пронесся прямо перед его носом, разбив на время двух парней.

– Вот придур, – сказал Валька. – Блин, чтоб тебе под первый груз или столб. Да ну их, развелось, как квартир однокомнатных. Что ты хотел сказать? – переспросил он. – Не расслышал. Слушаю сейчас китайский в автомобиле. Представляешь я тебя люблю будет «Во ай ни». Просто. Я теперь могу с китайкой. Ты знаешь, что он сейчас второй после английского. Скажу по-секрету, я даже подумываю о китайке. В ванной комнате у меня висит этакая фурия. Когда я принимаю ванную, то она по моей просьбе подает то соль, то пену.

– То соль, то пену, говоришь, – продолжал Иван, внутреннее ненавистя этого высокого парня, на голову его опережающего в солидном пальто пепельного цвета и шарфе, который несколькими кольцами покрывал его широкую шею. Он знал, что под ней покоится бородавка, которую он сейчас видел сквозь толщу шарфа и его глаза, моргающие, рот не закрывающийся, уши торчащие и щеки розовые, как будто припудренные – все это вызывало отторжение, как при долгом нахождении в мясном цеху, где фасуются туши.

– Вот только что с мамой из нынешней семьи, – продолжил он, чавкая слюнявым ртом. – А я думаю так. Один раз бывает в этом измерении, почему бы и нет. А? Махнешь стариной со мной? Поехали. Выпьем, я сейчас с парой дел закончу. Помнишь, как мы с тобой Натку в туалете расписывали. Я первый, я.

Ивану захотелось закрыть уши, и его бравадная смелость, взятая напрокат у жителя подмостья, оробела на миг.

– Не было такого, – бросило Ивана в жар. – Что же ты бред то несешь.

Но Валька палил из всех орудий. Его рот открывался широко и слова, летевшие из его рта, подобно пулеметной очереди стрекотали над головой, вызывая три эмоции – возмущение, раздражение и злость.

– А потом по ночной улице трамвай останавливали, – вылетали слова. – Водила, молодой парень чуть не наехал на тебя. Ты еще его успокаивал, говорил, что он работу выбрал не мужскую, ну и мы потом втроем в автобусный парк поехали и до утра в троллейбусе пили портвейн.

Валька проделал в его голове огромную дыру, и воспоминания водопадным потоком хлынули из образовавшегося отверстия. Двадцать восемь физиономий, узкоглазых, носатых и бородавчатых высунулись и ожидаючи смотрели на него сверху вниз.

– Да не помню я этого, – сказал Иван, не напрягая мозг, и этот длинный ряд ожидающих лиц прижимались друг к другу, как в электричке в час пик.

– Как не помнишь? – настойчиво теребил его одноклассник. – А сентябрьскую традицию, у Ксюхи на даче. Небо коптим, мясо жарим, а Ксюха всегда с новым парнем и обязательно с пальцами вверх. Я тогда, если честно, так хотел пальцы отгрызть хотя бы одному из ее кавалеров, но просто дал слово, что буду не хуже. Она же меня игнорировала, а в том году представляешь, позвонила и намекала на встречу. Мол, какие мы были беззаботные, а сейчас ни до кого не достучишься. Я сорвался с крючка. Ну ее нафиг, она троих воспитывает, ее палец отхмурил, оставил розовощекое гарлапящее наследство и срулил на повторный круг со следующей одинокой.

Валера бубнил и Иван, видя, что тот не думает останавливаться, проговорил сквозь зубы:

– Пошел ты.

– Ты чего? – удивился тот и его широченный профиль стал уменьшаться, увеличивая все кругом. Его губы слились с переносицей, и нижняя губа стали тянуть верхнюю вниз, превращая парня в уродливое млекопитающее.

– Затрахал, – прокричал Иван. – Все годы рвался сказать тебе это, и спасибо судьбе. Она, голубушка предоставила мне удобный шанс сделать это в центре города. Надо было сегодня встретить тебя?

Иван только сейчас обратил внимание, что справа от него выстроилась бесконечная полоса автомобилей, которая утопала в ярких огнях реклам и быстроменяющихся картинках на немых экранах. Впереди этого кордона стояла наша «Волга», которая сигналила непрерывно, и водитель что-то кричал, но не было слышно, что именно, так как сигналы шли отовсюду, как и словесные потоки, в которых выделалась как брань, так и вежливые просьбы.

– Да ладно, сколько прошло то, – среагировал Валера. – Кто старое помянет. Я ведь тоже помню, как ты у меня фужер дома разбил и до сих пор вторую часть из «Звездный войн» несешь. Она у тебя, я знаю.

– Да, имел я твои войны, – крикнул Иван и это обращение было адресовано не только к «любимому» однокласснику, но и всему автомобильному движению, которые, забыв на время о своих делах, вынуждены терпеть слабость эгоистичного парня, которому на все положил, точнее на всех.

– Имеешь, точнее сказать, – уточнил Валера и посмотрел направо, где зияла пустая дорога, по которой не только теоретически всегда кто-то ехал. Должно было что-то произойти. Дождь, гром, упасть здание, вырасти гора посреди беспокойного скопления авто или кончится воздух. Что-то должно было произойти. Погаснуть солнцу, зазвенеть колоколам, всем разом, появиться из канализации огромной крысе величиной с автобус. Воздух накалился. От картины – противоборства водителей и пешеходов, негодования одних и отрешенности других. От звуков – обычных городских, преувеличенных в пять раз, как будто сорвавшийся с катушек эквалайзер. От ожидания одних, от понимания того, что следующий шаг будет резким, навёрстывающим, скомканным, заглывающим своим быстрым жвачным жестом нежные слои кожи, оголенные в эти мгновения по максимуму. От сердец, которые тикали, как часовые механизмы, ожидая сапера, который пережмет нужный проводок.

– Пошел ты! – продолжала увеличивать скорость сердечная мышца.

– Ну и катись, неудачник, – произнес его одноклассник, с которым сидели в одной классной комнате и хихикали над анатомическими особенностями мужчины и женщины.

– Это я-то неудачник? – переспросил Иван, улыбнулся, и, глубоко вздохнув, плюнул в лобовое стекло его кристально чистой машины. Плевков в виде кляксы опрокинулся на стекло и по инерции стал съезжать вниз, растягивая свою фактуру в морковную форму.

– Не надо, – жалобно проговорил Валера, вытащил из нагрудного кармана платочек и тут же стер появившийся овощ, который перед исчезновением превращался то в брюкву, то в сельдерей.

– Надо, – твердо сказал Иван и повторил свои действия под гвалт клаксонов и появившегося народа. Мокрый след в виде морозящей тучки, покрыл верхушки дворников, сделал его похожим на капающий нос в период гриппа.

– Еще раз сделаешь..., – задрожал голос, и он попытался встать на защиту своего «коня». Мужчина в теннисных шортах, но без ракетки оказался между ними, стараясь понять, в чем же причина для такой неожиданной остановки. Большая часть оставалась сидеть в машинах, привыкшая к пробкам, операциям на дорогах и прочим городским мероприятиям, служившие скорее материалом для газетных баек, чем для порядка.

– А что сделаю? – смело произнес Иван и подошел к мускулисту автомобилю, который соответствовал Валере, и пнул его.

Казалось, что автомобиль качнулся, возмущившись таким обращением. В глазах Ивана горел луч, который не остановился бы и перед самолетом, ни перед подводной лодкой, ни перед ледоколом. Теннисист наблюдал картину явного сумасшествия. Поэтому, собственно, он и отошел в сторону, где было и безопасно, с первого взгляда и можно было наблюдать за этим процессом, не попадая под ее пульс. Он пятился назад, пока не стал совершать полезные действия в виде того, что стал что-то нашептывать появившимся из открывающихся окон любопытным носам, ушам, подбородкам. Вероятно, свои предположения, изредка поглядывая на героев, как на страницу книги, где все написано.

– Это ни в какие рамки, – произнес Валера, открыл дверь своей оскверненной машины и плюхнулся на кожаное сидение, заводя двигатель.

– Будет о чем рассказать на встрече одноклассников, – отшутился Иван, обращаясь не только к нему, но и ко всем разом. К высоченным домам, наклонившимся к любопытному субъекту своей неприступностью, увидев в нем знакомые черты. К потоку машин, среди которых он не выделял каждую по отдельности, а все разом тянулись с самого бульвара, как беспокойная змея, учуявшая добычу, но упустившая ее перед самым носом. К людям, которые изредка останавливались, чтобы рассказать за ужином своим близким о происшествии на Арбате. – А то как-то скучно ты живешь. Я дам тебе маленький урок. Бесплатный. Если тебя посылают, иди. Не сопротивляйся. Ты из тех, кому это по нутру.

– Ты мне завидуешь, – произнес Валера, открывая окно, газуя и выпуская большое количество дыма, погружая голодную змейку в сизую мглу. – Всегда завидовал.

Подбежал милиционер. Теннисист исчез. Его поглотил дым или одна из составляющих дорожной змейки. Милиционер со странными заспанными глазами и соответственно немного помятом виде – двойная стрелка на брюках, след на щеке от протокола в виде пропечатанных букв со знаками препинания, словно вырванный из райского укрытия своей патрульной машины, стоял перед Иваном и пытался выяснить что произошло.

– В чем дело? – спросил он, задавая вопрос парню, случайным зевакам, которые молчали. Они могли только переговариваться между собой. Никому не хотелось быть примешанным к этому происшествию. Что это? Хулиганство? Терроризм? Политическое движение одной из партии, не нашедшей более удобного способа привлечения внимания, как этот? Он не догадывался, что Иван просто проверял свою силу. Силу, полученной благодаря мысли, которая впоследствии даст существенные плоды. Могущество, которое подомнет под себя все слои общества, сделает их рабами. Наконец, поможет осуществить одну мечту, которая лежала пока на самом дне юного организма.

Иван мечтал о своем театре. О здании, желательно старинном, с арочными окнами, балкончиками с чугунными перегородками, где и зрители и артисты во время репетиций могли наблюдать и вдохновляться пролетающей вороной или сидящей за столиком в уличном кафе дамой, мимолетным движением руки поправляющей прическу. С лестничными пролетами, которые ведут к воздушному пространству сцены, чтобы реализовать свои замыслы, а их накопилось масса, но удалось пока реализовать лишь часть, да и то на маленьких площадках для скучающих людей, которые в театр ходят только для того чтобы не обидеть свою вторую половину, а половина старается разнообразить свою жизнь еще одной формой искусства в довесок к концертам и единственному музею с пыльными костюмами и ветхим сторожилой. С артистами, которые будут не просто занудно произносить текст, но и летать, извлекать огонь, умирать, разрываться на куски, рожать, рождаться, в муках и в радости. С ними появятся новые формы. Они будут их создавать в стенах, преобразуя старый материал в живую пропорцию из воздуха и растительного материала, радуясь новым детищам в рамках своего дома, а не на улицах.

– Пошел ты, – спокойно сказал Иван. Он говорил, как будто составлял предложение со словом «пошел», не отправляя человека в форму в неизвестность.

Молодой человек в форме опешил, сдержал свое негодование, непроизвольно встал в стойку и сказал:

– Я при исполнении. Могу и жезлом.

– Знаешь, себе покрути, если нейдет, – произнес равнодушно Иван, наблюдая, как восстанавливается движение и его одноклассник летит на всех парах, забирая с собой длинный хвост. – Всем вам скучно. И что вы все ко мне льнете? Скучно вам. Развлечь себя хотите? Дам тебе совет. Иди в сортир. Там тише.

Последняя фраза была произнесена еще более спокойнее, чем предыдущая и этот парень двадцати пяти – двадцати семи лет смотрел на него такими печальными глазами, словно Иван его обидел, очень серьезно оскорбил, и что извиниться мало, нужно чуть ли не встать на колени и попросить прощения на глазах у всех.

– Да я тебя, – произнес служивый, и в этой фразе было все – и его неприятие, и устав, который он так и не дочитал, все время, забывая первые страницы, смущаясь перед словом «должен».

Иван уважал органы правопорядка. Пару раз они показывали ему направление, правда один раз неправильно. С одним служивым он разговорился о политике. Это произошло около стенда «Их разыскивает милиция», где Иван оказался случайно, от нечего делать. Он стал изучать лица преступников и сравнивать их с обычными прохожими, не видя ни какой разницы.

– Себя ищешь? – спросил тогда служивый, и Иван заметил по количеству звездочек, что перед ним капитан.

– Да, – ответил Иван. – Точно, так. Сперва был в музее, искал себя среди пейзажей, натюрмортов, портретов. Не нашел. Потом был в анатомическом музее. Сейчас здесь. Может быть, еще в зоологический сходить. Авось так увижу своего прототипа. Или в кино?

– У меня сын твоих лет. Говорит, что в кино люди подглядывают за чужой жизнью, чтобы повторить действия героев. А в музее ищут свою картину жизни. У кого-то Шишкин с медведями, а у кого-то и Саврасов с грачами. Кто медведь, а кто пышная дама, пьющая чай вприкуску с сахаром.

Ивану тогда понравилась то, с какой легкостью человек в форме говорит о сыне, искусстве, не сверкая погонами и положением. Наверное, у капитанов так принято, подумал Иван.

Но сегодня скрестились шпаги перед всеми слоями, званиями. Он не признавал никого. Слишком сильно было действие этой отравы, этого порошка, которое возымело действие над ним. Он думал только о том, как можно использовать... человека, главное орудие, винтик в его разрастающемся механизме, который как огромный паук, появившийся из кокона, стал выпускать свои железы, чтобы контролировать все и в то же время дать свободу этому насекомому, ибо он знал, что только свобода способна привести к чему-то стоящему и весомому.

Младший сержант. В качестве какой прослойки подойдет он? Разве что в качестве защитной части? Это может случиться. Спектакль-протест, спектакль-вздор, спектакль-возглас. Как во время последнего представления Мольера, 17 февраля 1673 года, в «Comédie Française» королевская гвардия окружила театр. Но парень был смешон. Хрупок, неповоротлив, смущен своим поведением. Он убежит при первом натиске, как услышит звуки шпор и ржание лошадей за оградой.

– Не догонишь, – произнес Иван. Сержант оглянулся, словно ожидал подмоги. Подмоги не было. Люди спешили по своим делам. Зеваки разошлись.

– Это что, угроза? – произнес служивый, и это явилось своего рода стартом для молодого человека, который уже наметил для себя траекторию движения.

Иван не ответил. Он в очередной раз побежал.

– Не много ли я бегаю? – подумал он, преодолевая стоящие такси, перепрыгивая через полуметровые барьеры, занося тело на бампер и скользя по нему, как на водяных горках. Но тут же себя убедил: – Нет, не много.

Он бежал по первому метровому кирпичу пешеходной улицы и цепочка художников – в шляпе, с усами, представители родной станицы и неближнего света, пишущие на холсте и в блокноте – в зависимости от толщины кошелька, проводили его взглядом. Солнце лениво подмигивало ему из-за облака, как фарцовщик торгующий контрабандным товаром в эпоху перестройки. Мужчина в широкополой шляпе около «32 кофейни», восседая на производном своего звучания – усилителе, выбивал волшебные звуки на ситаре, перебирая ловко струны на двух грифах, сердцах одного тела. Его седая борода, сливаясь с висками плавно переходила в курчавые волосы, которые покрывали его уши, служа дверцей для погружения в его необычный мир.

– Да, мама? – ответил Иван. Его телефон вибрировал, когда он пересекал территорию Дома актера. За ним мчался бравый сотрудник, придерживая табельное оружие.

Мама говорила о своих проблемах – о запущенном саде, соседе который жалуется на кислое молоко в магазине, тишине, которая ее угнетает в последнее время.

На площадке перед итальянской кофейней было столпотворение. Иван проник в плотное кольцо, оказался зажатым страстной парочкой, которая даром время не теряла, а страстно обнимались, найдя в этом диске своеобразное убежище. В центре стоял парень. Он восседал на с виду обычном велосипеде. На плитках были очерчены мелом линии. На линиях были цифры 100, 300, 500, 1000. Но эти цифры обозначали не расстояние, а денежный эквивалент, который можно заработать. Но как?

Мама вспоминала, как он уехал слишком резко, поставил перед фактом, не дал возможности подготовиться морально.

Нужно было проехать на приготовленном красавце-велосипеде данное расстояние. Всего-то. Естественно, появился желающий, он сел на двухколесного друга, крутанул педали и опрокинул его на себя, вызывая недоумение у толпы. Что-то было не так с этим велосипедом.

Мама говорила о том, что сварила варенье, но есть его некому, так как сама не любит сладкое.

И только сейчас Иван заметил картонную табличку «Дикий велосипед». Он скидывал седока. И второй парень, смеясь над предыдущим, сел на двухколесного и через мгновение лежал на земле, не совсем понимая, что произошло.

Мама говорила о том, что в этом году картошки будет на редкость много, а сарай, где она обычно хранится, прогнил из-за обильных снегопадов прошедшей зимой. Мама говорила о корове, о купленных ягнятах.

– Какая корова, мама? – сказал Иван. – Не надо звать бабушку.

Что-то не так с рулем. Иван знал устройство велосипеда. Неоднократно крутил, снимал, добавлял новые детали. Дополнительные шестеренки. Наверняка. Сам организатор аттракциона демонстрировал – пересекал первую, вторую, четвертую отметки. Наловчился.

Мама утверждала, что дети должны возвращаться, даже если и ушли из дому. Это же их дом.

– Нет, я не могу, – резко сказал Иван, остановившись около «Макдоналдса», переводя дух.

Мама молчала.

– Не знаю когда, – ответил Иван.

Мама продолжала молчать.

– Не скоро, – сказал Иван и нажал красную кнопку на телефоне. Телефон затих, храня тепло последнего разговора.

Пробежав по пешеходке, в своем экстравагантном костюме, не успев шокировать публику, а только обратить на себя внимание брата художника и ребенка с петушком на палочке, он забежал в дверь с колокольчиком и утонул в ворохе платьев. Сержант пробежал, оглянулся

по сторонам, спросил что-то у продавца антикварных книг, тот покачал головой, сержант снял фуражку, вытер пот, еще раз оглянулся и пошел назад спокойным шагом.

– Да, но у нас только женское белье, – услышал он над собой голос. – Исключительно женские коллекции белья.

Иван оказался зажатым между юбкой и кардиганом желтушного цвета. Он вылез из укрытия и предстал перед девушкой лет двадцати, которая была похожа скорее на нимфу. Богиню из снов, чем на продавщицу какого-то тряпачного бутика.

– Прелесть, – подумал он. – От форм до содержания. Тот самый случай, когда нет сомнения в содержании.

Что же его поразило? Удлиненный свитер с поясом, воротником-стойкой с отворотом, прекрасно сидящей на ее худощавой фигуре. Лицом похожая на пуму? Длинная челка, некогда служившая символом сексуальной революции? И с кофейной чашкой в руке, на которой сияло кольцо.

– Не на безымянном пальце, – пронеслось у Ивана. Он смотрел на свитер черно-белого цвета, глаза и легкий румянец без пудры и почувствовал себя героем в старом ковбойском фильме, где герой врывается в салун, магазин, дом и признается ей...

Девушка отпила содержимое кружки и легкий след над верхней губой рассказал о напитке. Это был черный кофе. Этот след так и остался, делая ее похожей на парня, что в синтезе к костюму Ивана создавало тот самый баланс, который уравнивал все излишества и скрывал грубые недостатки.

Но мысль уже стала Макбетом в его сознании. Она была коронована и издавала указы, хорошие, плохие, разные, управляя сто семидесяти шести сантиметровой массой в 72 килограмма.

– Знаете, у меня есть подруга, – проговорил Иван вполголоса, почти не разжимая губ, – и я хотел бы ее... ну вы понимаете.

Девушка смотрела на его костюм с интересом, то ли выявляя потребности, то ли просто заинтересовавшись им.

– Вам нужно что-нибудь романтическое? – поняла она и приставила свою ладошку к подбородку, словно голова – это был большой фужер, в котором было налито вино. – Подарок?

– В точности наоборот, – сказал он. – Ему нравилось наблюдать за ней, но внутреннее противоборство двух желаний, разительно отличающихся друг от друга и в то же время похотливших лицом к лицу как два близнеца, разрешалось в пользу его грандиозной цели. – Что бы мне подарить такое, чтобы она поняла намек?

– Намек? – спросила девушка, подняв руку и забыв о ее существовании, оставив ту в воздухе справляться с гравитацией. Через мгновение она опустила руку, и фужер застыл в воздухе, как хорошо сделанный трюк, ровно, без единого движения.

– Да, – ответил Иван.

– Простите, – сказала девушка, и хрусталь задрожал, выявляя свою звонкую сущность. – Я вас не понимаю.

– Платье, которое вызовет депрессию, – произнес Иван. – Которое будет говорить на всех языках, совокупляя в себе и грех, и похоть. Которое оттолкнет, вызовет ненависть и плохое настроение на долго. Очень долго.

Девушка, представляющая собой воплощение всех положительных качеств, – от добра до порядочности и юмора – непременно, теперь смотрела на него, как на нарушителя – человека, который пришел в магазин и втащил за собой то, к чему она не была готова, она не проходила это на курсах, да и Иван в своем измочаленном виде с бешеными глазами и неустойчивым дыханием от смены пешей походки на бег и наоборот вызывал не только недоумение, но и страх.

В чем фокус? Что он хотел сказать этим? Иван – парень с русской душой и еврейскими замашками. Вопросы мелькали, роились и искали светлый проем. Милая девушка с лицом пумы напоминала ему тот театральный образ, который ищешь долго и если находишь, то любишься тоже не одно мгновение. Тот образ, который он рисовал в голове длительное время. Год, два, пять лет – разные сроки, фотографии проявлялись, и не всегда это было лицо, чаще силуэты и только в последнее время, здесь, будучи один, он мог разглядеть черно-белые черты, выведенные на проявленной фотобумаге.

Он был одет в женское. Чтобы показать свою непричастность к женскому, он ни коим образом не должен говорить светло и чисто, а наоборот, раздавить, смазать грязным пятном свои представления о противоположном поле.

Но девушка не растерялась. Она стояла несколько секунд. Как стоят после неоднозначного предложения, после которого или легкое «да» или тяжелая рука соприкасается с нежной тканью тела на лице с обрывистом хлопаящем звуком? Она исчезла в подсобке, довершив к своему идеальному образу дефиле со стройными ножками без единого отступления от ровности.

Иван смотрел на ряды, где таблички в форме жирафиков направляли покупателей в нужное русло. От гранжа 90-х, в виде вечерних платьев с цветочками розы из струящейся ткани до ретро, в виде рубашек приталенного покроя с жабо. От спортивного стиля – джинсового, более грубого и практичного до морского более нежного и чувствительного. В витрине стояло две фигуры. Одна из них была одета в белые одежды – юбка-джерси из вискозы с расшитыми пайетками, белый кардиган с множеством карманов, застегнутый на все пуговицы, белые колготки с белым рисунком – большими цветами – неизвестно какими – так как сам рисунок походил на детский – кружок вокруг которого шесть лепестков и туфли из искусственной замши с 7-сантиметровым каблуком также белого цвета. Другой манекен напротив был раздет. Он стоял в витрине и ловил удрученные взгляды на свою наготу, зная, что рядом происходит нечто другое. Но пройдет полдня, как его оденут, и он забудет об этих постыдных часах, проведенных раздетым на глазах у разношерстного населения – от иностранцев до детей.

«Носите то, что носят итальянки и чувствуйте себя, как они», – гласил плакат и девушка в легком ситцевом платье, приталенной курточке по пояс и шарфом, нанизанном на нее тремя кольцами, улыбалась, скрывая зубы, словно одного не доставало.

– Если только это, – показала через минуту девушка, держа в руках сверток. Она ловко его вскрывала – казалось, использует для этого свои длинные ногти. – Оно дорогое, но на самом деле безвкусное. Появись я в этом на Арбате, на меня столб упадет. Не исключено.

Девушка держала в руках ядовито-желтое платье и протягивала Ивану, как живое существо, словно хотела избавиться от него. Существо с плохим цветом, покроем, тканью, ценой, наконец.

– А что нужно одеть, чтобы всех послать? – проговорил он. Он представил, как человек на сцене будет бегать за желтым платьем, а оно, как живое, будет убегать от него, размахивая рукавами, как огородное пугало, потом он поймает и наденет на себя и станет обуздывать его, как строптивую лошадь. То будет брыкаться, стягивать шею, грудь, талию, но наконец поддается, понимая, что без человека нельзя. Оно повиснет безжизненно на теле и умрет, превратившись в обычную тряпку.

– Вы... – начала девушка, – думаете, что попали в цирк.

Завибрировал телефон. Иван ответил.

– Мы не договорили, – говорила мама. – Я за тебя беспокоюсь. У меня за окном грушу градом повалило.

Иван нажал на красную кнопку.

– Я это возьму, – сказал Иван, забрав у девушки платье, и прошел к выходу, оставив на кассе телефон.

Девушка улыбнулась, потом лицо вытянулось в недоумении, как в неправильно отраженном зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.